

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ

МЕДИА
КНИГА

ВАСИЛИЙ САХАРОВ

РАЗВИЛКА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Василий Сахаров

Развилка

«МедиаКнига»

2018

Сахаров В. И.

Развилка / В. И. Сахаров — «МедиаКнига», 2018

Альтернативная история Великой Отечественной Войны. Не стандарт. Главный герой молодой казак по воле случая оказывается в плену, а затем сражается на стороне Германии против СССР. Гитлера нет. Вместо него Борман. Власов - верный генерал Сталина. Вместо него во главе РОА генерал Трухин. Построение Казакии и Русского государства. Война в России между «белыми» и «красными», как продолжение Гражданской. Содержит нецензурную брань.

© Сахаров В. И., 2018

© МедиаКнига, 2018

Содержание

Сахаров Василий.	5
Пролог.	7
1.	9
2.	14
3.	18
4.	22
5.	27
6.	30
7.	33
8.	37
9.	42
10.	46
11.	50
12.	54
13.	58
14.	62
15.	66
16.	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сахаров Василий. Развилка.

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ

Пролог. Борисов. 04.08.1941.

Иногда, крайне редко, судьба мира оказывается в руках одного человека. Как правило, он даже не знает о том, что ему уготовано, его имя остается неизвестным и все происходит случайно. Герой делает, что должен, и 4 августа 1941 года таким человеком стал курсант Борисовского танко-технического училища Иван Смирнов. Ему было всего девятнадцать лет. Однако, несмотря на молодость, он успел пережить много горя и бед.

Курсант, грязный и оборванный юноша, голодный и раненый в левую ногу, лежал в густых придорожных зарослях недалеко от немецкого аэродрома. Фашисты были рядом, они постоянно патрулировали дорогу и прочесывали местность. Но Смирнова, которого воспитал дед, уральский охотник, враги до сих пор не заметили. Иван умел прятаться и чувствовал опасность. Когда было нужно, он уходил в сторону и прятался, а потом упрямо возвращался к дороге и ждал своего часа. Боец понимал, что далеко ему не уйти, сил практически не осталось, и все, чего курсант-комсомолец хотел, подороже продать свою жизнь и прикончить еще хотя бы нескольких фашистов.

Сдерживая готовые вырваться стоны, Смирнов слегка приподнялся и посмотрел на пустынную дорогу. Один патруль прошел, а второй будет через несколько минут. Пока спокойно и курсант, положив перед собой две тяжелые противотанковые гранаты и трофейный МР-38, листал страницы своей памяти. Перед его мысленным взором проносились лица и события, хорошие и плохие. Иван понимал, что вскоре умрет, но он улыбался и был уверен, что поступает правильно...

Детство в небольшой уральской деревушке. Трудовые будни на колхозных полях и походы с дедом в лес. Мать, вдова красноармейца, которая растила пять детей. Голодные годы. Первая охота. Первая любовь. Первый робкий поцелуй с деревенской девчонкой. А потом комсомольское собрание и он получает путевку в училище. Иван надеялся, что будет учиться недалеко от дома. Но судьба распорядилась иначе. Его отправили в Белоруссию, в Борисовское танко-техническое училище.

Год учебы пролетел незаметно. А затем началась война. Орды немецко-фашистских захватчиков вторглись на территорию СССР, и свой первый бой курсант Смирнов принял 1-го июля. Подразделения 1-й Московской Пролетарской мотострелковой дивизии, разрозненные соединения 44-го корпуса РККА, сводный отряд Лизюкова, курсанты-танкисты и ополченцы вступили в бой с 18-й танковой дивизией генерала Неринга.

Бойцы советской армии сражались храбро и были готовы умереть, но не отступить. Однако массированные налеты «юнкеров» и постоянные артиллерийские обстрелы сделали свое дело. Они расчищали путь для немецких танков и мотопехоты, а парашютные десанты и диверсанты «Бранденбурга» в тылу советских войск, вносили сумятицу и разжигали панику среди личного состава. Все дороги при этом были забиты беженцами, подвоз боеприпасов оказался затруднен, а резервы РККА, которые подходили к Борисову, опаздывали. В итоге сражение было проиграно, и командир 1-й Мотострелковой Пролетарской дивизии полковник Крейцер, на несколько дней задержав наступление гитлеровцев, отдал приказ отступить.

Неся потери и бросая поломанную технику, обескровленные советские войска под ударами немецкой авиации откатились на восток, к следующему оборонительному рубежу. А отряд, в котором воевал Смирнов, был отрезан от основных сил и попал в окружение. Темной ночью бойцы приготовились к прорыву, пошли в атаку и смогли вырваться из кольца. Но курсант получил ранение, и его оставили в одной из деревень.

Смирнов прятался в погребе у сердобольных хозяев, чьи дети ушли в ополчение, и пережил три облавы. Фашисты раз за разом прочесывали деревню и когда враги снова появились, курсант ушел в лес. Это был правильный поступок, и он спас приютивших его селян от расправы. Однако рана загноилась. Уйти от Борисова курсант не смог, партизан найти не удалось, сдаваться он не хотел, и тогда Иван принял решение принять свой последний бой и сжечь личные документы...

На дороге появились мотоциклисты. Что характерно, все в новой форме, а техника просто сияла. Они промчались мимо Смирнова, а за ними появились красивые черные автомобили.

«Кто-то важный едет», – чувствуя, как его покидают силы, с равнодушием подумал Иван и метнул противотанковую гранату, которая попала аккурат под третий автомобиль в кортеже.

– Бум-м-м!!! – сильный взрыв перекрыл шум двигателей, а взрывная волна слегка пригнула кустарник.

Иван кинул вторую гранату и схватился за автомат.

– Бум-м-м!!! – очередной взрыв окончательно разметал в клочья уже поврежденный немецкий автомобиль.

– Своло-чи-и-и!!! – зарычал курсант, с трудом приподнялся и открыл огонь по фашистам.

Смирнов успел дать всего пару неприцельных очередей, а потом получил пулю, которая разнесла ему череп. Однако самое главное он совершил – в машине, которую Иван уничтожил, находился верховный канцлер Третьего Рейха Адольф Гитлер и история пошла по иному пути...

Курсант, чье бездыханное тело валялось на обочине дороги, конечно же, не мог знать, что фюрер прилетел в Борисов на совещание с генералами Вермахта. Именно здесь, в Борисове, должно было решиться, в каком направлении двинется германский стальной каток. И если генералы Вермахта: Шмундт, Бок, Гот и Хойзингер; хотели продолжения наступления на Москву, рейхсканцлер был настроен иначе. Гитлер собирался распылить силы для наступления по нескольким направлениям: на Москву, Ленинград, Украину и Крым.

Впрочем, совещание не состоялось. Партийные функционеры НСДАП в Берлине начали делить кресло покойного Адольфа и на некоторое время военачальники оказались предоставлены сами себе. Война продолжалась, и генералы приняли решение сконцентрировать основные силы на Московском направлении.

Что же касательно нового рейхсканцлера, то спустя четыре дня, сумев обойти Геббельса и Геринга, им стал личный секретарь покойного фюрера и начальник Партийной канцелярии НСДАП Мартин Борман.

1.

Смоленская область. 10.08.1941.

Крадущейся мягкой походкой старшина Захаров прошел мимо и остановился. Кряжистый и крепкий, природный ловкий вояка и потомок пластунов, он пытался понять, где я спрятался, и застать меня врасплох. Но старшина ничего не заметил. Это хорошо.

– Андрий! – с малороссийским акцентом окликнул меня Захаров и покрутил головой.

Тишина. Я молчу.

– Красноармеец Погиба! – снова, на этот раз командным тоном, позвал старшина.

– Здесь! – я отодвинул в сторону куст, за которым прятался, и выполз из-под упавшего старого ствола, под которым была глубокая промоина.

Старшина усмехнулся и кивнул:

– Добре сховался.

Когда мы были одни, Захаров обращался ко мне по-свойски, как земляк. Он на пятнадцать лет старше, половину жизни в армии и прошел Финскую. Но главное – мы земляки. Он родом с Кубани, и я оттуда. Правда, он на родине лет десять уже не бывал, и его семья проживала в Подмоскowie, а я детдомовский с Катеринодара, то есть с Краснодара.

– Ну как тут, спокойно? – не выходя в поле, Захаров кивнул в сторону Боброво, которое было занято немцами.

– Спокойно, – подтвердил я.

– Плохо, – сказал он.

Месяц назад я мог задать ему резонный вопрос – что плохого в тишине. А сейчас промолчал. За спиной уже есть боевой опыт, бои за Смоленск и выход из окружения. На войне учишься быстро и я усвоил одну простую истину – если на передовой тишина, значит, противник готовит наступление и копит силы, а возможно, нас уже обходят, и скоро мы в очередной раз окажемся в котле. Уж лучше пусть немцы стреляют.

– Сидай, Андрий, – старшина присел под дерево и положил на колени автомат ППД.

Я разместился с ним рядом и поставив между ног карабин Мосина образца 38 года. После чего спросил старшину:

– Иваныч, новости есть?

Он пожал плечами:

– Нет. Только сводку вчерашнюю повторяли.

– И что в сводке?

– Наши войска ведут ожесточенные бои на Смоленском, Кексгольмском, Коростенском и Белоцерковском направлениях. На остальных участках бои разведывательного характера. Корабли Балтийского флота потопили один и повредили два торпедных катера противника. Летчики сбили сколько-то самолетов и сколько-то потеряли.

– Понятно... – протянул я.

Сидим. Молчим. Каждый думает о своем. Но неожиданно Захаров задает новый вопрос:

– Андрий, а ты точно своих родичей не помнишь?

Эта тема, которую старшина за полгода поднимал несколько раз, мне неприятна. Не люблю ворошить прошлое, от этого сразу приходила тоска. Однако я ответил:

– Не помню. Меня в детдом в тридцать втором году привезли, в декабре, как раз перед Новым Годом. Я уже доходил, от голода разум помутился. Десять лет мне тогда исполнилось. Помню только, что в станице жил. Хата была. Двор большой. Потом стрельба какая-то. Дальше детдом и завод, пока в армию не призвали.

- А лица родителей?
- Нет. Все, словно в тумане.
- А станица, говоришь, Уманская?
- Так в документах записано. Ты же сам их видел, Иваныч. Раньше называлась Уманская.

Потом переименовали в Ленинградскую.

- И что, в станицу после детдома не ездил?
- Как? Денег не было, и кто бы меня отпустил. Только школу окончил, с детдома в жизнь выпустили и на завод. У станка поработал и призыв.
- А про родных узнать пытался?
- Мать умерла. Это точно. Про отца сведений нет, пропал. А больше никого.
- Ну да... – он поднялся и сказал: – Ладно, ты бди, а я другие посты обойду.
- Есть! – я тоже встал и когда старшина ушел, снова спрятался в своем логове.

Позади траншеи нашей 2-й роты 3-го батальона 518-го стрелкового полка 129-й стрелковой дивизии. Остальные бойцы моего взвода сейчас готовили оборонительные позиции и зарывались в землю, а я в боевом дозоре, за сто метров от позиций. С одной стороны это ответственность, а с другой сплошной отдых. Кто-то киркой машет, а я, благодаря старшине Захарову, чей авторитет в роте почти вровень с командиром, наблюдаю за противником, который ведет себя на удивление спокойно.

Вообще, конечно, наш старшина человек странный. По службе ведет себя, словно цепной пес, который живет по уставу. Но такой он для всех рядовых бойцов, кроме меня. Как только Захаров узнал, кто я и откуда, сразу взял под свое крыло и многому научил. Стрелять и маршировать – это понятно. Важнее другое – ходить в разведку, сидеть в засаде, путать следы, метать ножи и драться. Многие хотели позаниматься с ним отдельно, даже командиры. Однако он учеников не брал и накоротке общался только с такими же сверхсрочниками, как он сам. Да и то не со всеми.

В общем, старшина человек военный и командиры его ценили. При мне Захарова несколько раз в дивизионную разведку звали, только он отказался, а ротный его не отдал. И, как на ситуацию ни посмотри, для меня это хорошо. На войне с таким человеком не пропадешь – это я понял, когда мы выходили из окружения и привитые Захаровым навыки пару раз спасли мне жизнь. Вот только вопросы, которые он задает... К чему они? Зачем спрашивать и давить на больное? Ведь ничего не меняется и память о прошлом для меня закрыта. Врачи говорили – последствия стресса, который я пережил в детстве. Наверное, они правы. Но сейчас это неважно. Идет война и я девятнадцатилетний красноармеец Андрей Погиба винтик огромной военной машины и защитник Родины...

Послышался шум. С запада еле слышный рев движков. Танки. Не иначе. Сколько точно, определить невозможно. Пять или шесть? Скорее всего, больше.

Вскоре шум стих, но зато в небе, двигаясь на восток, появились две девятки «юнкерсов». Ох, не просто так движение началось. Чует мое сердце, что вечером или завтра утром нам придется туго...

Тем временем дело к обеду. Меня сменили, и я отправился на позиции роты. Бойцы, полуголые и загорелые, на время отставив в сторону лопаты и кирки, набивали брюхо. На обед жидкий супчик, перловая каша, пара кусочков хлеба и чай.

В животе заурчало. Организм молодой и требовал пищи. Но сначала я доложил взводному, младшему лейтенанту Ерофееву. Рассказал про шум, который слышал, и он побежал к ротному.

Взяв свой котелок, я подошел к бачкам с едой, получил пайку и присел в окопе. Пока насыщался, появилась немецкая «рама». Разведчик кружил над нашими позициями, и я представил себе, что пилот видит сверху. Поле. Редкие рощи. На востоке густой лес. И перед ним неровные линии траншей.

– Не зря летает, сволочь, – посмотрев в небо, сказал кто-то из бойцов. – Наверное, скоро обстрел будет.

«Это само собой», – подумал я, но промолчал и кинул взгляд в сторону недостроенного блиндажа неподалеку.

От «рамы» отделилась темная точка, и по позициям разнесся истошный крик:

– Бомба!!!

Новички из последнего пополнения задержались, а ветераны сохранили спокойствие и правильно сделали. Разведчик бомбы бросает редко, а вот агитационными листовками сыплет постоянно.

Темная точка, приближаясь к земле, распалась еще на несколько, а потом еще. В воздухе закружились белые листы, и целый ворох опустился на наши окопы. Так и есть – листовки.

Сам того не желая, я подобрал одну из них и взгляд заскользил по тексту:

«Бойцы Красной Армии! Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно! Интернациональные жидово-коммунистические преступники гонят вас на бойню. Они говорят, что немецкая армия собирается вас поработить, но это не правда. Солдаты Вермахта несут вам освобождение от большевистского ига.

Эта листовка служит пропуском для сдачи в плен. Гуманное отношение гарантируется. Помните о своих родных – вы нужны им. Всех, кто окажет сопротивление, ждет смерть».

– Отдай! – ко мне подскочил лейтенант Ерофеев и вырвал лист из рук.

Я не спорил. У командира приказ – уничтожить немецкие листовки. Если откажется, вмешается политрук и ему придется туго. Это понятно.

Лейтенант пробежал по траншее и собрал все листовки, какие смог. Неопытный еще. Другой бы старых бойцов заставил шевелиться, а он все сам да сам. Поэтому часть прокламаций уцелела. Не потому, что бойцы собирались сдаваться в плен, а просто им нужна бумага для самокруток. Я не курящий. Мне без надобности. А остальным что делать, когда табак еще есть, а бумаги на пять километров вокруг не найдешь? То-то же...

Обед закончился. Как и другие бойцы, я должен был взяться за лопату. Однако начался обстрел.

Противно завывали мины и, подхватив оружие, я юркнул в блиндаж и притих.

Череда взрывов прошла по нашим позициям. Первая серия. Следом вторая и третья. Под обстрелом вся храбрость куда-то уходит и в голове только одна мысль:

«Лишь бы не в меня... Господи пронеси»...

Минометный обстрел продолжался четверть часа. А когда он закончился, я первым выбрался из блиндажа наружу и обнаружил, что часть траншеи засыпало грунтом. Кругом воронки, а над землей стелился едкий пороховой дым, и где-то недалеко стонали люди.

– К бою! К бою! – из какой-то ямы выбрался обсыпанный землей лейтенант Ерофеев. – Санитары! Раненых в тыл! Живее!

Взвод занял оборону. В потерях не менее пяти человек, трех завалило в блиндаже, а остальных посеколо осколками. Нас и так-то не особо много после выхода из окружения, человек пятнадцать во взводе, а у немцев танки с мотопехотой.

– Гранаты разбирайте!

По окопам с открытым вещмешком пробежал старшина Захаров, всучил мне две противотанковые гранаты и хлопнул по плечу:

– Держись, Андрей!

– Ага, – отозвался я и выглянул за бруствер.

Немцы шли в атаку. Семь танков, это только в пределах моей видимости, больше десяти бронетранспортеров, полтора десятка мотоциклов с пулеметами и, конечно же, пехота. Такого я даже под Смоленском не видел. Противник решил взломать оборону именно на участке нашего батальона и удержаться будет сложно.

Заговорили сорокопятаки из приданного противотанкового дивизиона. Рано. Артиллеристы обнаружили себя раньше времени и немцы ответили. Танки открыли огонь. Они били по позициям дивизиона и сорокопятаки замолчали. Видать, накрыло их или отходят. Неважно. Главное – делать, что должен. Карабин при мне. Шесть снаряженных обойм и сотня патронов в вещмешке. Гранат три, одна осколочная и две противотанковые. Могло быть и хуже. Например, дали бы вместо гранат бутылки с горючей жидкостью и воюй, как знаешь. А помимо того при мне еще трофейный немецкий штык-нож.

Над головой прошла пулеметная очередь, и я пригнулся. Но практически сразу услышал команду лейтенанта:

– Вз-во-од!!! Ого-нь!!!

Немцы в ста пятидесяти метрах, а мой карабин бьет на тысячу. Промазать сложно, если не лупить в белый свет, как в копеечку, и я открыл огонь.

Первая обойма закончилась быстро. Попал или нет? Разбираться нет времени и желания. Перезарядил оружие и снова начал стрелять. На этот раз более-менее прицельно.

Враги уже ближе. Они тоже стреляют, и кажется, все пули именно в меня. Вот-вот они вонзятся в тело и порвут его на куски. Но я уже знаю, что это самовнушение. СВОЮ ПУЛЮ ПОЧУЕШЬ. Так говорил старшина, и я ему почему-то верил. Может быть по той причине, что хотел верить.

Выстрел! Есть! Достал немца! Раскинув руки, он выронил винтовку и свалился.

Выстрел! Мимо!

Выстрел! Немец успел уйти с траектории.

Выстрел! Снова попал! Не убил гада, но задел!

Выстрел в пулеметчика на бронетранспортере! Промазал!

– Берегись! – окрикнули меня.

Я опустился на дно окопа и увидел, что прямо на меня идет танк. Громадная железная машина казалась несокрушимой, и захотелось убежать. Страх попытался овладеть мной, но я остался на месте и схватился за гранату. Не потому, что такой храбрый, а потому что действовал так, как меня учили.

Сминая не укрепленные деревом окопы, танк перевалился через них. Он прошел рядом, засыпал грунтом двух бойцов и стал разворачиваться.

«Если пойдет по окопам, – промелькнула у меня мысль, – всем плохо будет, и первым под гусеницами окажусь я».

Как поднялся и метнул гранату, сам не понимаю. Тело скованно, а руки, словно деревянные, и меня не слушались. Но я не промазал. Тяжелая болванка упала на корму боевой машины, и я рухнул на дно окопа раньше, чем она взорвалась.

Взрыв был не сильным или у меня проблемы со слухом. Кругом стрельба и крики. Но я смотрел только на танк, который стоял на месте и чадил.

«Получил, сука! – со злорадством подумал я и в этот момент люк танка распахнулся. – Оружие! Где мой карабин?! Стрелять! Стрелять!»

Карабин был рядом. Но перезарядить оружие я не успевал. На башне танка показался немец. В правой руке у него был автомат. За ним вылезал второй. Чтобы спастись, я должен был уйти дальше по траншее. Иначе никак. Убьют. Однако меня выручил старшина. Захаров оказался неподалеку и двумя очередями срезал немецких танкистов. А потом он ловко взобрался на башню и разрядил остатки магазина внутрь.

– Молодец, Андрий! – старшина прыгнул вниз и оказался рядом.

Я промолчал. Подрагивающими руками загнал в карабин новую обойму и увидел лейтенанта, который выскочил на бруствер, героически вскинул ТТ, слегка обернулся и закричал:

– В ата-ку-у!!!

Нужно было встать, но я не успел. Взводный получил в грудь пулеметную очередь и рухнул обратно в траншею. Не жилец. Это было понятно сразу. Контратака закончилась, не успев начаться.

– Уходим! – старшина дернул меня за плечо и по узким траншейным переходам мы стали отходить в тыл.

2.

**Хаммельбург,
Офлаг XIII.
15.08.1941.**

В небольшом помещении без окон стоял стол, за которым сидели два человека, русский и немец. Первый – бывший генерал-майор Красной армии Федор Иванович Трухин. Второй – руководитель главного управления политики в Имперском министерстве оккупированных восточных территорий Георг Лейббрандт. Русский, высокий худощавый мужчина с волевым лицом, одет в гимнастерку защитного цвета. Немец, средних лет круглолицый мужчина в сером костюме.

Генерал Трухин был потомственным русским дворянином Костромского уезда, предки которого на протяжении нескольких веков верно служили России. После окончания Костромской гимназии он учился на юридическом факультете Московского университета. Но шла Первая Мировая война, а молодой Федор Трухин был патриотом и все бросив, он окончил школу прапорщиков и отправился воевать. Потом произошла революция и прапорщик Трухин, поверив в ее идеалы, был избран командиром батальона 181-го Остроленского полка.

Карьера Федора Трухина пошла в гору. Он воевал против Деникина, против украинских националистов и поляков, доказал свою верность большевикам и после окончания Гражданской войны отправился на учебу в Военную Академию РККА. В 1925 году он уже командир полка. В 1926 году начальник штаба дивизии. В 1931 году начальник штаба корпуса. Далее преподаватель Военной академии имени Фрунзе и начальник кафедры методики боевой подготовки в этой же академии. В 1935 году Трухин получил звание полковника и учился в Военной академии Генерального штаба. В 1937 году старший руководитель курса Военной академии Генерального штаба. А в 1939 году старший преподаватель кафедры оперативного искусства в этой же академии. Что характерно, он никогда не состоял в ВКП(б). Но был награжден орденом Красного Знамени и медалью «XX лет РККА».

Тем временем СССР готовился к большой войне. В 1939 году Трухин стал комбригом, а в 1940 году генерал-майором и заместителем начальника 2-го отдела Управления боевой подготовки РККА. Немного позже он уже заместитель начальника штаба Прибалтийского военного округа. А когда началась война с Германией заместитель начальника штаба Северо-Западного фронта.

Генерал Трухин перешел на сторону немцев на пятый день войны, 27 июня в Литве, и передал германскому командованию штабные документы фронта. Естественно, такого ценного для себя человека немцы сразу взяли на особый учет и отправили его в Хаммельбург, Офлаг XIII, где генерал вступил в созданную антисоветски настроенными военнопленными «Русскую трудовую народную партию». После чего он стал работать и составлять проекты, согласно которым, созданные из военнопленных части и соединения, помогут Германии одержать победу над СССР.

Что же касательно Георга Лейббрандта, для него Россия тоже не была чужой страной. Он родился в немецкой колонии Хоффнунгсфельд под Одессой в многодетной крестьянской семье колонистов из Швабии. Когда во время Гражданской войны немецкие и австрийские войска заняли часть Украины, он стал переводчиком при местной оккупационной администрации и бойцом немецкой самообороны.

Германия потерпела поражение, и Георг эмигрировал на историческую родину. Жил в Тюбингене, изучал теологию, историю, философию и экономику в Марбурге и Лейпциге. В 1923 году создал и возглавил ассоциацию черноморских немцев. Со временем получил степень

доктора философии и специализировался по России. Много раз посещал Советский Союз и пару лет провел на стажировке в США. Еще находясь в Вашингтоне, Лейббрандт стал связным НСДАП, а в 1933 году вступил в партию. Вышел из нее в 1934 году и вторично вступил в 1938 году. Числился в СА. С 1933 года – заседатель Народной судебной палаты, а позже занял пост руководителя восточного отделения управления внешней политики нацистской партии.

После нападения Германии на СССР, Георг Лейббрандт был приглашен Альфредом Розенбергом в Имперское министерство оккупированных восточных территорий, стал начальником главного управления политики этого министерства и погрузился в работу, которой было очень много. Территории, люди, заводы и фабрики, жизнь крупных городов и мелких поселков, коммуникации и установление власти на оккупированных землях. Все это требовало самого пристального внимания. А помимо того на плечи Лейббрандта легло создание меморандума о националистических организациях СССР и вооруженных инациональных формированиях...

Трухин и Лейббрандт беседовали уже целый час. Разговор шел на русском, и они прощупывали один другого. Но, наконец, подошли к самому главному.

– Господин генерал, – сказал Лейббрандт, – ответьте мне честно на один вопрос. Без обиняков. Как есть. Сможете?

– Конечно, – Трухин кивнул. – Что именно вас интересует?

– Почему вы перешли на сторону Германии?

– Меня об этом уже спрашивали.

– Да-да, я читал протоколы ваших допросов. Ненависть к коммунистам и желание видеть Россию свободной – это хорошие доводы. Однако, неужели вы, в самом деле, ждете освобождения своей родины? Вы не боитесь, что захватив Россию, мы никуда не уйдем?

Трухин усмехнулся, и в его усмешке была горечь:

– Господин Лейббранд, раз уж пошел такой разговор, давайте говорить на чистоту. Без посторонней помощи вы никогда не сможете полностью захватить Россию. На это вам не хватит сил и ресурсов. Максимум, дойдете до Волги и выдохнетесь. А что потом? Все равно придется договариваться с СССР и приводить в порядок дела на оккупированных территориях. А причины, которые я указывал вашим офицерам, они такие и есть. Я – русский патриот и примкнул к большевикам потому, что именно они, а не кто-то другой, стали реальной властью в стране. Поверьте, сидел бы в Москве Корнилов, Деникин или Колчак, я встал бы на их сторону. Но амбиции белогвардейцев и отсутствие единства среди бывшей русской элиты привели к тому, что победили красные. Народ в основе своей пошел за ними, а когда люди осознали ошибку, было поздно. Ленин, а в дальнейшем его преемники, ошибку царя не допустили, не отреклись от власти и не позволили народу выразить свое истинное мнение. Предатели – вот кто для меня большевики и коммунисты. Они развалили Российскую империю, оторвали от нее Прибалтику, Среднюю Азию, Украину и Финляндию, а потом снова стали все собирать. Но не ради России, не ради людей, а ради победы коммунизма во всем мире. Меня это не устраивало и, когда я оказался перед выбором, служить вам или кровавому палачу Сталину, все решилось быстро.

Поверьте, господин Лейббранд, я не хочу быть с вами. Но иного выхода нет. По крайней мере, я его не вижу. Русский народ надломлен, запуган, заморочен и обездолен. Однако в нем еще есть сила, которая способна вас остановить и погнать обратно. Русские еще могут совершить сверхусилие. Может быть, последнее. И они сделают, что нужно. Вот только нам, русским, и вам, немцам, это счастья не принесет. Обе стороны понесут в этой борьбе настолько огромные потери, что конкуренты нас легко обойдут...

– Вы говорите про англичан?

– Возможно, – генерал пожал плечами. – Хотя не только они. Взять хоть Америку, для примера, Японию или Китай. Если фортуна повернется к ним лицом, они своего шанса не упу-

стоят. Кто-то обязательно будет до последнего момента держаться в стороне, богатеть, наблюдать за битвой двух гигантов и копить силы, а потом добьет самого слабого. Это очевидно. Неужели Первая Мировая война вас ничему не научила?

– Уроки прошлой Мировой войны даром не прошли, господин генерал. Мы все помним. Поэтому я здесь, беседую с вами, а не в Берлине, где меня ждут дела. Вашу мотивацию я понимаю. Но каким вы видите наше сотрудничество в дальнейшем?

– Рано или поздно вам понадобятся солдаты. Не только для охраны коммуникаций и подконтрольных областей, но и полноценные боевые соединения: полки, бригады, дивизии и корпуса; которые смогут сражаться на фронте. Вы начнете искать резервы, и таким резервом можем стать мы – русские патриоты и представители других народов СССР, которые ненавидят большевиков. Мы поможем вам разгромить Сталина и заплатим за это кровью. А взамен, когда СССР капитулирует или окажется на грани краха, вы возьмете, что вам нужно, а остальную Россию оставите нам. Разумеется, как верным союзникам.

– А потом вы попыгаете взять реванш? – немец усмехнулся.

– Вряд ли. Слишком много сил и времени придется потратить на восстановление того, что окажется под нами, а затем появятся новые враги.

Лейббранд задумался...

Война с Советской Россией была неизбежна, и покорение восточных народов являлось краеугольным камнем политики Адольфа Гитлера. Поэтому спустя три месяца после его прихода к власти, 1 апреля 1933 года, по личному распоряжению фюрера было создано Внешнеполитическое бюро НСДАП под руководством Розенберга. При нем Восточный отдел. А при отделе РОНД – Российское объединенное национально-социалистическое движение. Его руководителями стали балтийский немец Светозаров (Пельхау), полковник Герштельманн и князь Оболенский. А затем к нему стали присоединяться белогвардейские организации. Не все. Конечно же, не все, ибо часть была ориентирована на Англию. И в 1937 году председатель РОВС (Российского Общевоинского Союза) генерал Миллер даже издал приказ, в котором было сказано: «Мы, члены РОВС, являемся идейными фашистами». А помимо русских в РОНД вошли украинцы, которые создали «Особый Украинский Отдел РОНД».

Война началась, и немало русских белоэмигрантов вступили в Вермахт или отправились попытать счастья в оккупированных районах. НО! Это было совсем не то, чего хотели и ждали лидеры белой эмиграции. Они мечтали, что им разрешат создать собственную армию. Боевую. Самостоятельную. И если часть немецких генералов (прагматики) под негласным лидерством Браухича соглашалась дать добровольным помощникам оружие и относительную свободу, другая (нацисты) во главе с Кейтелем была категорически против. Фюрер поддерживал Кейтеля. «Славяне – будущие рабы арийской расы!» – заявлял Гитлер. И равными он признавал только часть северокавказских народов и казаков. При этом казаки должны были согласиться, что по роду-племени являются остготами, и обязаны служить под командованием немецких офицеров.

Так было в самом начале войны, когда Вермахт еще не понес огромных потерь и не наступили холода. Однако фюрер погиб. Его кресло занял Мартин Борман. Не идеолог и оратор, а хитрый, жесткий и циничный управленец. Для него на первом месте эффективность. Поэтому речи оголтелых нацистов слегка стихли и отношение к народам СССР, а так же к военнопленным, изменилось в лучшую сторону. Пока незначительно. Но чиновники Имперского министерства оккупированных восточных территорий и лояльные к русским германские генералы надеялись, что-то с этого выгадать – получить дармовую рабочую силу и дополнительных солдат на фронте. Вот потому Лейббранд прибыл в Хаммельбург и разговаривал с Трухиным. Не с белоэмигрантом, который жаждал реванша (что думают белогвардейские генералы он уже знал), а с кадровым советским офицером и русским дворянином...

– Господин генерал, – решив, что Трухин ему подходит, прервал свое молчание Лейббрандт, – не все, что вы сказали, мне нравится. Однако в ваших словах есть здоровое зерно, и я приглашаю вас отправиться со мной в Берлин.

– И что я там буду делать?

– Вы поможете мне подготовить документ, который определит отношение Германии к добровольцам из числа русских военнопленных, готовых служить на благо Третьего Рейха.

Трухин поднялся, машинально оправил гимнастерку без знаков различия и кивнул:

– Я готов. Когда отправляемся?

Лейббрандт тоже встал и ответил:

– Немедленно.

3.

Смоленская область. 17.08.1941.

Седьмой день пробираемся к своим. Группа небольшая, всего девять человек. Оружие и документы сохранили – это главное. Боеприпасов почти не осталось, у меня три обоймы на карабин, нож и граната, а у остальных хуже. Провиант закончился еще вчера. Так что тоска. Сидим в лесу и не можем перейти дорогу, которая буквально забита немецкими войсками. Фрицы прорвали оборону нашей дивизии, расчленили ее и рвутся на восток. А мы чувствуем свое бессилие, скрипим зубами и ждем наступления темноты. Если удача улыбнется, пересечем дорогу и двинемся дальше. Сил осталось немного, но они еще есть, на один рывок хватит.

Я покосился на старшину Захарова, который расположился неподалеку, закутался в кусок брезента и дремал. Если бы не он, пропали бы мы – все бойцы нашей группы. Признаюсь, когда мы отошли от подбитого танка и немцы ворвались в траншеи, я растерялся. Поэтому, скорее всего, отстреливался бы до последнего патрона и погиб «смертью храбрых». Но погибнуть дело не хитрое – говорит старшина, – нужно выжить и продолжать бой, чтобы убивать врагов. Такая позиция мне нравится гораздо больше, чем «стоять насмерть и ни шагу назад». Ведь что я видел в своей жизни? Кроме детдома и завода ничего. Даже девушки не было. Целоваться с девчонками целовался, но дальше этого дело не шло, хотя на лицо не рябой и статью вышел. Просто ждал чистой и светлой любви, как в книгах, да и некогда было. За день у станка так намаешься, что к вечеру еле ноги передвигаешь, и вместо отдыха идешь на дополнительные занятия, чтобы получить новые знания, или на комсомольское собрание. Ладно. Это уже в прошлом. Вот закончится война, все наладится. Конечно, если я ее переживу...

Прерывая мои размышления, из кустарника буквально вывалился взволнованный Жора Садчиков, минометчик, который стоял в дозоре.

– Там... – он указал в сторону дороги и задохнулся.

Старшина моментально вскочил, подхватил автомат, подошел к Садчикову и поторопил его:

– Говори! Что случилось?!

Жора набрал полную грудь воздуха и ответил:

– Авдеев с Исмаиловым ушли!

– Как?! – старшина оскалился, словно волк.

– Я за дорогой наблюдал... Они мимо прошли... Окликнул их... А они убежали... Смотрю... Дальше на дорогу выскочили, оружие бросили и руки подняли... Немцы их окружили и они в нашу сторону стали указывать...

– Суки! – Захаров ногой откинул в сторону крупный сучок, который валялся на траве, и прошипел: – Предатели!

Остальные бойцы нашей группы сгрудились вокруг старшины и Садчикова.

– Что делать? – спросил кто-то.

– Уйдем в болото, – Захаров указал на север. – Там спрячемся. До наступления темноты три-четыре часа осталось, продержимся.

В болото, так в болото. С опытным Иванычем никто не спорил и, путая следы, мы двинулись к болоту.

Погони не было. Мы немцев пока не интересовали или они собирали поисковую группу. И пока шли, я размышлял о причинах, которые побудили Исмаилова и Авдеева сдаться.

Кавказца я не знал, он из другого батальона, прибил к нам уже в лесу. А вот Серега Авдеев... Как же так? Мы же с ним полгода бок о бок. Крепкий парень, комсомолец, потом-

ственный рабочий из Тулы. Мне казалось, что я его знаю, а выходит, что нет. С гнильцой оказался Авдеев, предал Родину и переметнулся к врагу.

До болота добрались быстро. Выломали несколько длинных крепких палок и вошли в воду. Впереди старшина. Я замыкающий.

Раздвигая болотные заросли и петляя между редкими чахлыми кривыми деревьями, мы отмахали от берега метров двести. Набредли на крохотный островок, который едва нас вместил, и остановились. Только устроились, как послышались голоса. Они приближались, и вскоре стало понятно, что это немцы. Фрицы прочесывали лес, дошли по нашим следам до болота и раздался крик Авдеева:

– Ребята!!! Эге-ге-й!!! Выходите!!!

Разумеется, мы промолчали. Все посмотрели на старшину, и он приложил к губам указательный палец – тихо!

– Не надо прятаться! – продолжал надрываться Серега. – Немцы тоже люди! Пожрать дали и обещают отпустить! Хватит бегать! Отвоевались – штыки в землю! Скоро германцы Киев возьмут, а потом Москву, скинут усатого кровопийцу Сталина и заживем! Иваныч! Андрюха! Семен! Демьян!

Он звал нас, а мы продолжали молчать. Но вскоре немцам надоело ждать, когда мы выйдем, и они стали стрелять. Высоко над головой прошло несколько очередей, а потом грохнули два взрыва. Немцы бросили в заросли пару гранат и успокоились.

Тишина. Враги затаились или ушли. Проверять не стали, слишком рискованно, и мы просидели на островке до наступления темноты.

Ночь опустилась на землю и болото ожило. Тысячи лягушек стали петь свои песни, и старшина решил рискнуть. Он вывел нас обратно в лес, не к тому месту, где мы входили в болото, а немного левее. После чего группа двинулась на восток и через час уперлась в дорогу.

Несмотря на темноту, движение вражеских войск продолжалось. Но немецкие колонны проходили гораздо реже, и у нас появился шанс.

– За мной! – старшина первым выбежал из леса и оказался на открытом пространстве.

Группа последовала за лидером, и мы бежали так быстро, что, очень может быть, побили пару мировых рекордов. Проскочили дорогу и убранное поле. Отмахали километр, не меньше, и только тогда остановились.

Переключка. Шестеро здесь, одного нет. Пропал Иванов, пулеметчик из 1-го взвода, степенный мужик.

Осмотрелись. Иванова нигде не видно. То ли отстал, то ли остался в лесу, то ли соблазнился речами Авдеева и надумал сдаться. Гадать не стали, толку от этого нет никакого, и группа продолжила движение.

Сколько прошли, сказать сложно. Километров пятнадцать точно. И к утру набредли на небольшой полевой стан, который раньше использовался местными колхозниками.

Просторный навес. Под ним брошенные веялки и еще какая-то сельхозтехника. Людей нет. Собак не слышно. А в воздухе противный запах горелого мяса и шерсти.

– Сюда! – позвал нас Садчиков.

Побежали к нему. Он стоял над большой ямой, смотрел вниз и на его бледном лице был ужас.

Я остановился, тоже посмотрел в яму и меня едва не вывернуло.

В яме были трупы, пять человек, взрослые люди, и две собаки. Их расстреляли, а потом облили бензином и подожгли. Вот только топлива оказалось мало. Тела обуглились, но полностью не сгорели.

– Евреи... – выдохнул Семен Колесников, еще один уцелевший боец нашего взвода.

– Почему так решил? – спросил старшина.

– А вот... – он поворошил ногой испачканную засохшей кровью траву возле ямы, и мы увидели украшение, шестиконечную звезду Давида, судя по всему, из серебра. А немного дальше обрывки мужской и женской одежды. Я хоть в этом и не специалист, но, судя по всему, в яме, действительно, сжигали евреев. Кто, зачем и за что? Мы не следственная бригада милиции.

Молча, ни слова не говоря, все отошли от ямы, обыскали полевой стан и нашли немного еды, сухари и кусок колбасы.

Вдали слышался шум моторов, и мы опять бросились бежать...

День пролетел незаметно. Шли и останавливались. Опять шли, а потом прятались. Ближе к вечеру выскочили еще на одну дорогу, обычную грунтовку, и обнаружили на ней разбитую советскую автоколонну. Много сожженных и раскуроченных взрывами автомобилей, мотоциклы и тягачи, один танк БТ-7 и рядом с ним два броневика. Автоколонну разбомбила авиация, сомнений не было. Трупов нет, наверное, успели собрать.

Пока никого не было, и нам не мешали, посмотрели, что в грузовиках, и нашли ящики с рыбными консервами. Набрали, сколько смогли, собрались уже уходить, но не успели. Появились немецкие мотоциклы с колясками. Бежать поздно. Справа и слева открытое пространство, нас посекут из пулеметов.

Затаились под разбитой полуторкой. Немцы нас не видели, остановились, и начали осматривать автомобили. Видать, искали, чем поживиться.

– Короче, – прошептал старшина, – придется принять бой. Фрицев шестеро и нас столько же. По моей команде наваливаемся на них. Не стрелять. Берем противника в ножи. Вопросы?

Вопросов не было, и мы приготовились к бою. Я отставил в сторону карабин и вытащил штык-нож. Ладонь сразу вспотела – нервы шалят. Однако я не боялся. Страх не было. Совсем. Мозг, словно отключился, и я был готов убивать.

Немцы были сытые и расслабленные. Рукава засучены. Воротники расстегнуты. Каски брошены в мотоциклах. Автоматы за спиной. Они чувствовали себя в полной безопасности, наверное, до сих пор считали, что война легкая прогулка. Ну-ну, они не первые и не последние, кто так думал.

Фрицы держались кучкой и не разбредались. Для нас это идеально и когда они подошли вплотную, старшина заорал:

– Бей их!

Как обычно, Захаров был первым. Он оказался среди немцев и быстро заработал ножом. Я последовал за ним. Поднялся, метнулся вперед и оказался лицом к лицу с мордастым румяным фрицем. Он смотрел на меня с недоумением и не понимал, откуда я появился и что происходит, а я не медлил. Как учил старшина, резко ударил его клинком в живот и сразу потянул его обратно. Немец открыл рот, и я нанес второй удар, по горлу.

Захлебываясь кровью, фриц стал медленно оседать, но я на него уже не смотрел. На Захарова напали сразу двое и один из них попытался поднять автомат. Но я был за его спиной и, запрыгнув на плечи немца, левой рукой зацепился за его лицо, а правой ударил противника в грудь. Клинок вошел в тело фрица легко, и он практически сразу упал. Я вместе с ним и нож остался в теле противника.

Поднимаюсь. Глядь, а передо мной еще один немец. В руке у него пистолет, ствол которого был нацелен на меня. Однако выстрелить он не успел. Рядом находился Садчиков, без ножа, но с саперной лопаткой, и боец рубанул его по черепу, который не выдержал удара и характерно хрустнул.

Этот фриц был последним. У нас без потерь, только синяки и пара порезов. А враги вот они. Шесть трупов.

– Собираем оружие! – отдал команду старшина, и мы бросились врассыпную, кто к телам, кто к мотоциклам.

В процессе сбора появилась идея – оседлать технику и рвануть к линии фронта на колесах, с ветерком. Но от нее отказались, слишком безрассудно. Поэтому собрали оружие, шесть автоматов, пистолет и два пулемета, прокололи мотоциклам шины, а затем в очередной раз ушли под прикрытие леса. Надо сказать, вовремя, потому что мотоциклисты оказались авангардом моторизованного батальона.

Еще один день был позади. Мы выжили и нанесли врагу урон, добыли еду и оружие. Война продолжалась, и настроение бойцов заметно приподнялось. А утром на нас вышел крупный отряд отступающих советских войск во главе с командирами, и наша группа вошла в состав сводной стрелковой роты.

4. Смоленская область. 24.08.1941.

Захаров был бледен. Он лежал на свежем сене в просторном крестьянском амбаре и что-то шептал.

Я наклонился к нему и услышал:

– Пи-и-ть...

Вода неподалеку, бадейка с ковшиком, и я дал ему напиться. Старшина сделал пару больших жадных глотков, немного оклемался и посмотрел на меня:

– Что... Андрий... плохи мои дела?

– Ничего страшного, – ответил я. – Врач сказал, будешь жить. Тебе осколками ногу располосовало. Он их вытащил, но кровопотеря серьезная. Отлежаться надо и силы восстановить.

– Мы где?

– Хутор какой-то.

– Меня здесь оставят?

– Да.

– Плохо... Если немцы набредут... в плен попадем...

– Местные селяне обещали тебя и других раненых спрятать, тут лесок неподалеку.

– Не обманут?

– Не знаю.

– Автомат мой... где?

– Разбит осколками, бросили.

– А документы?

– У селян.

– Пистолет оставь...

– Уже. Он у тебя в вещмешке.

– Добрэ... – он немного помолчал, сглотнул слюну и добавил: – Я виноват перед тобой...

Андрий... Ты уж прости меня...

– О чем ты, Иваныч? В чем вина?

– Сложно говорить...

– Вот и помолчи.

– Нет... Нужно сказать... Не знаю, увидимся ли снова... А я к тебе прикипел... Ты меня послушай... и прости... если сможешь...

– Говори, Иваныч, – понимая, что мне его не переубедить, согласился я.

– В общем... Это из-за меня ты сиротой стал... Когда зимой тридцать второго года станицу Уманскую выселяли, я там был... Твоего отца звали Семеном... верно?

– Ты же знаешь, я Андрей Семенович.

– Это... я его шлепнул... Мы казаков из хат выгоняли... В зиму... на мороз... с детьми малыми... чтобы гнать к вагонам и в Сибирь отправлять... Многие сопротивлялись... Он тоже... Одного активиста кинжалом зарезал... и бойца ранил... Тут я... батька твой прыгнул... и пулю схлопотал... Я его из винтаря... В упор...

– А это точно он?

– Не сумлевайся... Я бумаги подписывал по делу... Запомнил хорошо... Семен Михайлович Погиба... казак... И потом еще наш командир говорил, что сына надо в Краснодар отправить... Мол, родственников не осталось... Помню это... Сколько лет прошло, а не позабыл... Это первый человек, которого я... прикончил...

– И зачем ты мне это говоришь?

– Душу облегчить хочу... Не зря нас судьба свела... Такое редко бывает... Не просто так... Я когда понял с кем она меня столкнула... сразу все скумекал... Должен повиниться... Обязан... Прости, Андрей...

– Бог простит, Иваныч, – сам не понимая почему, я помянул Бога, хотя в детдоме меня приучили, что его нет.

– Добрэ... Мне даже легче стало...

В амбар заглянул один из бойцов нашей роты и позвал меня:

– Андрей, пора уходить!

Боец исчез, а я посмотрел на старшину, поднялся и сказал:

– Бывай, Иваныч.

– Прощай... – выдохнул он и закрыл глаза.

Я покинул амбар и присоединился к своим товарищам. В голове сумбур, я никак не мог до конца осознать то, что сказал Захаров. Он говорил правду, сомнений в этом не было. Но тогда выходит, что я сын «врага народа»? Как это страшно звучит – «враг народа». Не партии. Не какой-то идеологии. Не определенной группы людей. А целого народа. Хотя у нас в приюте половина таких. Кто-то из кулаков, кто-то из казаков или дворян, но были и дети красных командиров, кого в тридцать девятом к стенке поставили или загнали, куда Макар телят не гонял. Это жизнь. Вчера человек на коне, уважаемый комбриг или ответственный партийный работник, а завтра уже преступник. Подобное в стране происходило часто, и когда в приюте появлялся очередной воспитанник из бывших «партийных», его судьбу обсуждали. Разумеется, полушепотом, чтобы никто посторонний не услышал.

– Ты чего, Андрей? – толкнул меня в бок Садчиков, который заметил, что я не в себе.

– Ничего, – я покачал головой.

– Из-за старшины переживаешь? Брось. Он человек крепкий, восстановится и продолжит воевать. Жаль только, что ранение по глупости получил. Все из-за Ерошкина. Не повезло нам с командиром.

– Заткнись! – поправляя вещмешок, одернул Садчикова пожилой боец Гурьянов. – Нечего командира обсуждать, а то беду накличешь.

Садчиков замолчал, а я подумал, что с командиром нам, действительно, не повезло, и лучше было бы выходить из окружения своей группой. Что у нас отобрали оружие и продовольствие – это понятно. Трофейные автоматы достались командирам, которых в соединении полсотни, потому что отряд сформировался на основе штаба дивизии, а консервы пошли в общий котел. Большим отрядом незаметно проскочить мимо немцев тяжело – это тоже ясно. Почти каждый день бой и потери, помимо того, что фрицы отслеживают наше движение по лесам при помощи «рамы» и мы находимся под постоянной угрозой авианалета или артобстрела. С этим всем можно смириться, ибо такова солдатская доля. Как говорится – наше дело воевать и погибать, а за что и почему, полковник знает. Но командир роты у нас карьерист и дурак. Самый настоящий. Майор Ерошкин боевого опыта не имел, делал карьеру при штабе, а когда отступали, он потерял какие-то важные документы и теперь выслуживается, пытается кровью искупить вину. Ладно бы своей искупал. Но он ведь на нашей крови поднимается. Вот в чем дело. И когда другие стрелковые роты нашего сводно-сборного соединения обходят противника, Ерошкин так и норовит поднять бойцов в атаку, в полный рост. Мы с ним уже неделю и за это время потеряли три десятка только убитыми, не считая раненых. Всем это надоело, и даже старшина как-то обронил, что надо утихомирить слишком рьяного майора, а то поляжем. Однако не успел Захаров. Во время очередного прорыва через немцев, когда мы прикрывали отход основных сил, старшина получил ранение.

– Марш! – отдал команду лейтенант Сафиулин, командир нашего взвода, и мы отправились по следам отряда.

Леса и перелески. Поля и ручьи. Где-то шли в полный рост, где-то пригибаясь, а кое-где ползли по-пластунски. Говорят, до линии фронта тридцать километров. Если идти по дороге, можно добраться за один день. Но мы окруженцы, у которых не бывает прямых путей, и до вечера, обогнув пару занятых немецкими гарнизонами поселков, успели пройти примерно десять километров.

На ночевку отряд остановился вдали от дорог, на берегу небольшой речушки. Кругом густые заросли и карьеры, в которых раньше добывали глину для обжига красного кирпича. Место такое, что подойти незаметно сложно, и вражеская авиаразведка нас сегодня не тревожила. Был шанс, что ночь пройдет спокойно. Поэтому уставшие люди, а в отряде почти четверста человек, стали разбивать лагерь.

Кто-то заступил в караул и в боевой дозор. Кто-то разводил небольшой костерок, на котором будет вариться каша. Кто-то пошел с котелками за водой. Ну а я временно в стороне. Меня никто не тревожил и мыслями я опять вернулся к тому, что сказал старшина. Я и раньше догадывался, что мои предки казаки. Все-таки из станицы в приют поступил и фамилия черноморская. Однако значения этому никогда не придавал, потому что меня воспитывали как советского человека. Я верил в идеалы коммунистической партии и комсомола, защищал нашу Родину и был спокоен. Да, конечно, есть перегибы на местах, когда от наветов и доносов страдали невинные люди. Но так же есть заговорщики и предатели, которые готовы продать первое в мире государство рабочих и крестьян западным капиталистам. Все это имело место быть. Поэтому НКВД и работало. Я все понимал. Газеты читал и на политинформациях не спал. Только раньше меня это никак не задевало. До поры до времени, пока старшина Захаров не сказал, что убил моего отца. Пусть я его не помню, но это мой отец, кровный родич. И он дрался с теми, кто пришел отнимать у него нажитое добро и выселять. Значит, было что забирать? Выходит, что так. Или причина в ином?

В этот момент я сильно пожалел, что не выкроил время и не выбрался в родную станицу. Может быть, там я смог бы что-то вспомнить или узнать. Конечно, вряд ли. Станицу переименовали, коренных жителей выселили, а на их место пришли семьи красноармейцев.

«Как же несправедливо устроена жизнь», – подумал я и неожиданно почувствовал злость. На кого и на что я злился? На судьбу, на старшину Захарова, на жизнь, которая так жестоко со мной обошлась? Хотя не было это злостью. Скорее всего, это какой-то внутренний протест – так не должно быть. Не должно. Не правильно.

Я крепко сжал кулаки. Грязные ногти вонзились в кожу, и это вернуло меня в реальность. Я встряхнул головой, прогнал прочь беспокойные мысли и подошел к костру, вокруг которого собирались бойцы взвода.

– Андрюха, – Садчиков улыбнулся, – сейчас кашу из топора будем есть.

Я тоже улыбнулся и спросил:

– Из чего сделали варево?

– Немного пшенной крупы, кусок старого сала и рыбная консервация. Что в вещмешках было, все скинули.

– А селяне, у кого раненых оставили, разве ничего не дали?

– Чем они поделились, не про нашу честь.

В разговор моментально вмешался лейтенант Сафиулин, молодой татарин, который прислушивался к разговору:

– Садчиков, ты на что намекаешь? Хочешь сказать, что командиры себе все самое лучшее забирают, а ты голодаешь?

В голосе лейтенанта, который, к слову, питался с нами из одного котла и был неплохим человеком, появилась угроза. Поэтому Садчиков сдал назад:

– Товарищ лейтенант, к слову пришлось. Брякнул, не подумавши.

– Ладно, – Сафиулин кивнул и замолчал.

«Когда-нибудь Садчиков договорится», – промелькнула у меня мысль, и я стал ворошить свой вещмешок. Вдруг где-то сухарь заваялся.

Тем временем появился майор Ерошкин. Он остановился на границе света и тьмы, поправил МР-38, кстати, из трофеев нашей группы, окинул взглядом бойцов и отозвал в сторону взводных. Понятно, инструктаж. А спустя пять минут вернулся Сафиулин и сказал, что на отдых всего три часа. После полуночи форсируем реку, она неглубокая, и движемся к линии фронта. Основной привал будет на рассвете.

Бойцы вопросов не задавали. Как раз поспела каша. Все хотели есть. Однако перекусить не удалось...

– Ви-у-у-у!!! – противно завывла первая вражеская мина, и начался обстрел.

Немцы все-таки обнаружили нас, и мы, схватив оружие и вещмешки, бросились, кто куда. Я спрятался в неглубокую извилистую канаву, которая спускалась в карьер, обхватил руками голову и лицом уткнулся в землю.

Взрывы следовали один за другим. Фрицы били из пяти-шести минометов и, казалось, что мы попали в ад. И тут неважно, ветеран ты или новобранец, страшно каждому. Только одни свой страх контролируют и, как правило, выживают, а другие дают слабину, бегут непонятно куда и погибают. Главное – не дергаться. Место у меня хорошее, осколки проходят выше.

Обстрел прекратился через десять минут. Я вылез из укрытия и осмотрелся. Кустарник посечен осколками. Земля дымилась, и над ней стелился сизый пороховой дым. Кругом раненые. Слышны стоны. Почти все костры погасли, их разметало взрывами. Бойцы растеряны. Командиров не видно. Плохо. Все очень и очень плохо.

– К бою! – услышал я крик Сафиулина. – Противник с правого фланга! Третий взвод, ко мне!

Бой так бой, мне не привыкать. Вместе с выжившими бойцами, кто не получил ранений и контузий, я подбежал к лейтенанту. Он повел нас в темноту, вскоре мы заняли оборону над карьерным обрывом и увидели немцев. Точнее, сначала слышали. К нам приближались бронетранспортеры и когда немцы обнаружили нас по непогашенным кострам, они открыли огонь из пулеметов.

Ночь раскрасилась яркими огоньками-выстрелами и трассерами. Фрицы плотно прижали нас к земле и остановились на противоположном конце карьера. Мы попытались ответить. Да куда там... Плотность огня у немцев такая, что голову не поднимешь.

«Надо отходить», – подумал я и начал отползать назад.

Быстро спрятавшись за невысокий бугорок, выдохнул. Слева и справа стрекочут немецкие автоматы. Нас обходили, еще немного и возьмут в кольцо. Драпать надо, пока есть такая возможность, выжить и продолжать сражаться. Снова я вспомнил заветы старшины Захарова и опять попятился. Однако быстро уперся во что-то мягкое. Оглянулся, а это майор Ерошкин собственной персоной, в тылу отлеживается, пока бойцы на открытом пространстве под пулеметами погибают.

– Ты куда?! – заорал он на меня и приподнялся. – Назад!

– Отходить надо, товарищ майор, – ответил я.

– Трус! Дезертир! Да я тебя...

Он попытался направить на меня автомат, и я действовал, повинаясь инстинктам, выстрелил в него раньше. Иначе никак, или он меня, или я его.

Пуля разнесла ротному череп. Взгляд направо. Взгляд налево. Никого. Свидетелей нет. Ну и хорошо.

Я рванул к реке. Сначала ползком, а потом, когда спустился в низину, бегом. Едва успел пристроиться к арьергарду отряда и вместе с бойцами другой роты перешел реку.

Потери оказались большими. От нашего взвода уцелело всего пять человек, не один я такой умный, что без команды отступил. А отряд потерял половину личного состава. Конечно,

не всех убили, многие потерялись, попали в плен или решили отделиться. Но факт остается фактом – на рассвете была проведена перекличка, и в строю оказалось сто девяносто три бойца. Причем треть имела ранения. Сил немного. Однако фронт уже недалеко, и мы пошли на прорыв.

5. Берлин. 26.08.1941.

Еще до того как Третий Рейх напал на Советский Союз, многие вожди белоэмигрантского движения заверяли германских политиков и военачальников, что окажут всемерное содействие в разгроме большевиков. Например, начальник Объединения Русских Воинских Союзов генерал-майор фон Лампе, который обратился к генерал-фельдмаршалу фон Браухичу с просьбой предоставить чинам РОВСа возможность принять участие в вооружённой борьбе с большевистской властью в России. Браухич свое согласие дал и после начала боевых действий группы чинов РОВС отправились на Восточный фронт.

Что двигало этими людьми, которые в большинстве являлись патриотами России? Они не были трусами, сребролюбцами, мерзавцами или подлецами и многие из них воевали против немцев в Первую Мировую войну. Ответ на поверхности. Для них большевики были непримиримыми врагами, которые лишили беглецов Родины, и для немалой части белоэмигрантов Вторая Мировая война являлась продолжением войны Гражданской. Они рвались на Родину, в Россию, которая, по их мнению, была оккупирована жидями-коммунистами и ждала освобождения. А в Гитлере многие из них видели избавителя и пусть они ошибались, эти люди не присягали СССР и борьбу с советским народом считали святым Крестовым походом против красной чумы. Поэтому не приходится удивляться словам казачьего генерала Краснова, которые были сказаны сразу после начала войны:

«Я прошу передать всем казакам, что эта война не против России, но против коммунистов, жидов и их приспешников, торгующих Русской кровью. Да поможет Господь немецкому оружию и Хитлеру! Пусть совершат они то, что сделали для Пруссии Русские и Император Александр Первый в 1813 году».

Или приказу-воззванию старого и больного Донского Атамана графа Граббе:

«Донцы! Неоднократно за последние годы в моих к вам обращениях предсказывал я великие потрясения, которые должны всколыхнуть мир; говорил неоднократно, что из потрясений этих засияет для нас заря освобождения, возвращения нашего в родные края.

22 сего июня Вождь Великогерманского рейха Адольф Гитлер объявил войну Союзу Советских Социалистических Республик. От Ледовитого океана до Черного моря грозною стеною надвинулась и перешла красные границы грозная германская армия, поражая полки Коминтерна. Великая началась борьба.

Донское казачество! Эта борьба – наша борьба. Мы начали ее в 1918 году, в тот момент, когда, пользуясь преходящими затруднениями Империи, интернациональная клика революционеров-марксистов своей лживой демократичностью обманула русский народ и захватила власть в Петербурге – не Донская ли Область первую отринула власть захватчиков? Не Донские ли казаки объявили власти этой войне не на живот, а на смерть, провозгласив для сего независимость Всевеликого Войска Донского?

И можем ли мы забыть ту дружескую помощь, которую оказала нам в борьбе, ведшейся нами рука об руку с не принимавшими большевизма национальными русскими силами, находившаяся в то время на юге России Германская Армия?

В героических, неравных боях за родные очаги, за Тихий Дон, за Мать нашу Святую Русь мы не сложили оружия перед красными полчищами, не свернули своих старых знамен. Все казаки, принимавшие участие в борьбе, предпочли покинуть в 1920 году Родину, уйти на чужбину, где ждало их неизвестное будущее, тяготы и тяжелые испытания. Войско Донское

не подчинилось захватчикам, оно сохранило свою независимость, казачью честь, свое право на родную землю.

В условиях тягчайших, отстаивая право на жизнь, Донское казачество в эмиграции осталось верным казачьим традициям, Дону, исторической России. Самим существованием каждого казака на чужбине оно утверждало идейную борьбу против коммунизма и большевиков, ожидая той заветной минуты, когда дрогнут и покачнутся красные флаги над занятым врагами Кремлем.

Двадцать лет надо было ждать, двадцать долгих лет!

Сложили иные из нас свои кости вдали от дедовских могил, но так же, как и прежде, грозит врагу Донское войско. Есть еще порох в пороховницах, не гнется казачья пика!

И вот, наконец, пробил час, столь долгожданный. Поднято знамя вооруженной борьбы с коммунизмом, с большевиками, с советщиной. Поднял это знамя мощный народ, силе которого ныне удивляется мир.

Мы не имеем пока возможности стать на поле битвы рядом с теми, кто очищает нашу землю от скверны коминтерна; но все наши помыслы, все наши надежды летят к тем, кто помогает поработенной нашей Родине освободиться от Красного ярма, обрести свои исторические пути.

От имени Всевеликого Войска Донского я, Донской Атаман, единственный носитель Донской власти, заявляю, что Войско Донское, коего я являюсь Главою, продолжает свой двадцатилетний поход, что оружие оно не сложило, мира с Советской властью не заключало; что оно продолжает считать себя с нею в состоянии войны; а цель этой войны – свержение Советской власти и возвращение в чести и достоинстве домой для возобновления и возрождения Родных Краев при помощи дружественной нам Германии. Бог браней да ниспошлет победу знаменам, ныне поднятым против богоборческой красной власти!

Атаманам всех Донских казачьих и Общеказачьих станиц по всем странам в эмиграции приказываю произвести полный учет всех казаков.

Всем казакам, в станицах и организациях казачьих не состоящим, приказываю в них записаться. Связь со мною держать всемерно.

Донской Атаман, генерал-лейтенант Граф Граббе».

Подобных воззваний летом 1941 года было превеликое множество, и даже великий князь Владимир Кириллович Романов высказался:

«В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетает народ России в течение двадцати четырех лет, я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом способствовать по мере сил и возможностей свержению большевистской власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма».

В общем, желающих поквитаться с большевиками оказалось немало. Немцы хотели этот потенциал использовать, а белоэмигранты сами рвались в бой. Однако существовал ряд сложностей, и главная проблема заключалась в том, что каждый лидер эмигрантов имел свое, ОСОБОЕ, мнение о будущем России. Одни мечтали о восстановлении монархии и Российской империи. Другие думали о протекторате Германии. Третьи о федеративной республике. А четвертые о самостоятельной Украине, Белоруссии, Прибалтике, Казаксии, Татарии, Черкесии, Северокавказских эмиратах и так далее. Сколько людей, столько мнений. Договориться с каждым по отдельности не представлялось возможным – не хватит никаких ресурсов. А еще, помимо всего прочего, обязательно возникнет проблема объединения «белых» и бывших «красных» командиров, которые перешли или перейдут на сторону немцев. Георг Лейббранд это прекрасно понимал и, после консультаций со своим шефом, сделал ставку на генерала Трухина, который мог стать лидером готовых встать под знамена Третьего Рейха военнопленных. А так же на вождей РОВС, вменяемых украинских националистов Андрея Мельника и трех казачьих

генералов, Балабина, Краснова и Шкуро, чьи имена в последнее время среди казаков-эмигрантов снова были на слуху. Не факт, что они будут обладать реальными рычагами управления, но символами станут. Всех этих людей предлагалось объединить под эгидой РОНД, которое в дальнейшем создаст общий штаб РОА (Русской Освободительной Армии) и начнет формирование боевых, тыловых и охранных частей. Остальным организациям белой эмиграции предстояло присоединиться к ним или ждать своего часа, когда немцы обратят на них внимание и смогут им что-то предложить.

Георг Лейббранд принял решение и на имя нового рейхсканцлера Германии Мартина Бормана был составлен меморандум о восточных добровольцах. После чего, прихватив доказавшего свою преданность генерала Трухина, он отправился к своему непосредственному начальнику Альфреду Розенбергу.

Несмотря на исключительную занятость, глава Имперского министерства оккупированных восточных территорий Альфред Эрнст Розенберг смог уделить Лейббранду и Трухину пару часов. Он слушал доклад и одновременно с этим вчитывался в строки меморандума, который повлияет на судьбы миллионов людей, на их жизнь и смерть. Слабые места в документе, по мнению Розенберга, имелись. Например, вооружившись и получив относительную свободу, русские, украинцы, казаки и представители иных народов могли поиграть в самостоятельность уже против Германии, как это сделала некоторая часть ОУН. Но пока ошибки не критичны и могут быть исправлены позднее при ужесточении контроля. Главное – меморандум составлен так, что обязательно понравится Борману, который чувствовал, что его положение не устойчиво и пытался показать, что он не хуже своего предшественника и способен принимать важные решения. В свете недовольства некоторых идеологов национал-социализма, которые не оставляли надежду сменить Бормана, это было очень важно. Рейхсканцлер искал союзников, в первую очередь среди военачальников, а они постоянно требовали подкреплений и пытались избавиться от контроля чиновников. Поэтому уже на следующий день меморандум был представлен рейхсканцлеру, а затем, после непродолжительных споров и обсуждений, одобрен и подписан.

Ключевой документ был принят и к будущим вождям РОА отправились эмиссары. Сотрудники РОНД, Трухин и лидер подконтрольных украинских националистов Андрей Мельник под боком, продолжают работать. Атаман Балабин тоже рядом, поскольку возглавлял «Общеказачье объединение в Германской империи». А вот остальных предстояло ждать, одни в Париже, другие в Белграде. Но это ничего. Первый большой шаг сделан, машина запущена, движение пошло.

6.

Смоленская область. 27.08.1941.

– Погиба, на выход! – голос караульного разнесся по комнате и я поднялся.

Сейчас решится моя участь. Я это понимал и к двери шел без всякой охоты. Перед выходом, где меня ожидал конвоир, на миг оглянулся, и взгляд скользнул по лицам сокамерников. Они люди разные и в тюрьму фильтрационного лагеря НКВД попадали за разные проступки. Как правило, за дело. Один бабу изнасиловал. Второй мародерил. Третий проявил трусость и не выполнил приказ. А четвертый хотел перейти на сторону немцев и подбивал сослуживцев на измену. Вчера в тюрьме, бывшем актовом зале поселкового клуба, куда меня привели, было три десятка задержанных. Сейчас, спустя сутки, уже полсотни...

– Шевелись! – поторопил караульный. – Руки за спину!

Выполнив команду, я вышел в коридор. Охранник передал меня конвоиру. И он, командами указывая направление, повел меня к следователю. Все рядом, идти недалеко. Но пока шли, я в очередной раз попробовал понять, за что задержан. Ведь вроде все в порядке.

Отряд пошел на прорыв, и мы практически сразу вступили в бой. Наши слышали стрельбу и решились ударить навстречу. Несколько танков и две стрелковые роты смогли проломить хлипкую оборону немцев, которые особо не сопротивлялись, и нас вывели в тыл. А поскольку обстановка на этом участке фронта пока еще относительно спокойная, окруженцев отправили в фильтрационный лагерь.

Сначала с контрразведчиками побеседовали командиры. Потом дошла очередь до красноармейцев, и вопросы были стандартные. Документы сохранил? Как и при каких обстоятельствах попал в окружение? Кто еще с тобой был? Как прорывались? Что можешь сказать о том или ином человеке?

В общем, ничего сложного. Я отвечал предельно честно и проскочил. После чего вернулся к выжившим бойцам нашей роты, поужинал и начал приводить в порядок форму. Партизанщина кончилась – мы снова в регулярной армии.

Ночь прошла спокойно. А утром за мной пришли товарищи из органов. Сопротивляться было глупо, да и нечем, поскольку оружие отобрали. Пришлось смириться, сдаться и надеяться, что все обойдется, компетентные люди разберутся в моем деле, а потом я вернусь в роту и продолжу воевать.

Однако не все так просто. Пока я сидел в тюрьме, некоторые арестованные говорили – крытке, пообщался с другими бойцами и пришел к выводу, что на меня кто-то стукнул. Если специально никому на большой мозоль не наступал, под арест брать не стали бы, у сотрудников НКВД сейчас работы хватало, и судьба обычного красноармейца никого по большому счету не интересовала. Но что на меня могли нарыть? А главное – кому я перешел дорогу? Зацепиться можно только за одно, за убийство майора Ерошкина. Вот только уцелевшие бойцы нашего взвода отошли к реке раньше меня. Больше никто не выжил, и свидетелей не имелось.

– Стоять! – новая команда конвоира. – К стене!

Я повернулся лицом к серой шершавой стене. Боец доложил следователю, что привел арестанта, а затем подтолкнул меня прикладом в спину:

– Заходи!

Я вошел в небольшое помещение. Напротив стена, а на ней портрет Ленина. Под ним стол, на котором лежали стопки бумаг. За столом следователь, молодой коротко стриженный брюнет с покрасневшими от недосыпа кругами под глазами. Справа от него одинокий стул, а на нем лейтенант Сафиулин. Как в песне: «Голова повязана, кровь на рукаве». Мой взводный

выглядел паршиво, судя по всему, только из госпиталя, бинты свежие. Выжил все-таки. А мы думали, что он погиб на том злосчастном карьере, где немцы нас к земле прижали.

«Вот и свидетель того, что я убил Ерошкина», – промелькнула мысль, и в этот момент конвоир поставил для меня стул.

– Сесть! – приказал боец и остался за спиной.

Команду исполнил. Присел. Посмотрел на лейтенанта, и он сказал:

– Допрыгался Погиба? Думал, что убил командира роты и все шито-крыто? Нет уж...

Придется отвечать...

– Спокойнее, – одернул лейтенанта следователь. – Всему свой черед. Когда я вас спрошу, тогда и говорите.

Лейтенант замолчал и дальше пошла рутина. Следователь хотел, чтобы я признался в невыполнении приказа, бегстве с поля боя и убийстве. А оно мне надо? Слово лейтенанта против моего. Поэтому я уперся – знать ничего не знаю, видеть ничего не видел, с майором Ерошкиным в том бою не встречался, отступил, когда остался один, а лейтенанту что-то померещилось, темно было, и он мог легко спутать меня с кем-то другим.

Разумеется, следователя, который пытался поскорее покончить с делом, такие ответы не устраивали. Ему проще выбить из меня признание вины, передать материалы в тройку и конец. Пять минут на обсуждение, потом приговор и к стенке. Или тюремный срок – это уж если повезет.

В конце концов, следователю все это надоело. Он выпроводил лейтенанта, который упорно стоял на своем и доказывал, что я убийца, из кабинета, вышел из-за стола и навис надо мной.

«Сейчас ударит», – подумал я и не ошибся.

Хлесткий удар в челюсть сбросил меня со стула и сразу два удара ногой в живот. Я зажался, ждал продолжения, а следователь присел на корточки и, подпустив в голос сочувствия, заговорил:

– Пойми ты, дурила, если признаешь вину, все сложится хорошо. Считай, сотрудничество со следствием. Врать не стану, явку с повинной оформить не получится. Но тебя не расстреляют. Получишь пятнадцать лет и поедешь на восток, подальше от войны и фронта. А потом все в твоих руках. Государство может дать тебе шанс искупить проступок кровью...

– Я не убивал Ерошкина... – выдохнул я. – Лейтенант ошибся...

– Жаль, – следователь поднялся. – Сегодня еще подумай, а завтра у тебя будет выбор. Подписываешь признание и живешь. Или упираешься, и тобой занимаются бойцы охранного взвода. Они парни крепкие и на расправу скорые, быстро из тебя отбивную сделают. Понял?

– Да.

Следователь сказал конвоиру:

– Увести.

Боец отвесил мне легкий пинок:

– Подъем!

К счастью, следователь меня не покалечил, хотя мог. Однако завтра меня дожмут. Даже если я не сдамся, здоровье потеряю, тут следователю можно было верить.

Конвоир отвел меня к остальным арестантам, и я прилег в уголке. В голове сотни мыслей и ни одной веселой. Куда ни кинь – всюду клин. Поэтому, скорее всего, чтобы сберечь здоровье, мне придется подписать признание. Может, не обманет следователь, и я еще поживу. Хоть в тюрьме, но люди и там как-то приспособляются...

Совершенно незаметно я задремал, и меня не тревожили. Однако в состоянии покоя я находился недолго. Рядом что-то взорвалось, стекла вылетели и я очнулся.

– Бомбежка! – закричал кто-то.

– Конвоир! Выпусти! – ударил кулаками в дверь другой арестант.

– Хана нам! – истерично заверещал третий.

Я остался на месте, потому что дергаться бессмысленно. Чему суждено произойти, то и случится. Здесь и сейчас от меня ничего не зависело.

Авианалет продолжался недолго, несколько минут, и в здание клуба немецкие летчики не попали. Рядом штаб стрелкового корпуса и артиллерия. Видимо, они в приоритете. Вот только сразу после налета началась перестрелка, и я не стерпел, поднялся и подошел к окну, которое было забрано крупными железными прутьями.

Судя по звукам, в поселке разгорался полноценный бой. Винтовки, автоматы, пулеметы и гранаты. В ход шло все, а это не просто так.

– Кто же это на красноперых налетел? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил приклатненный пожилой боец, которого поймали на воровстве.

Краткая пауза и ответ из толпы:

– Это немцы. Я стрекот их автоматов и пулеметов с нашими не спутаю.

– Так чего нас здесь держат?! – возмутился шуплый вихрастый паренек в порванной гимнастерке. – Пусть выпустят и дадут оружие!

– Сиди на попе ровно, – цыкнул на него приклатненный. – Умник нашелся. Ты, сынок, сейчас для советской армии враг. Или ты насадка, которой среди нас не место?

Все посмотрели на шуплого бойца, который рвался в бой, и он стушевался, вжал голову в плечи и промолчал.

Тем временем по соседнему окну стеганула шальная автоматная очередь. Любопытный арестант, который к нему прилип, получил пулю в шею и, заливаясь кровью, упал. Я его участь повторять не хотел и юркнул к стене. Но перед этим увидел немцев. Несколько автоматчиков, судя по экипировке десантники, перебегая с места на место, стреляли и быстро продвигались к развалинам горящего невдалеке штаба корпуса.

«Ловкие бойцы», – машинально отметил я и затих...

Тогда я не знал и не мог знать, что немцы перешли в очередное наступление. Они рвались к Вязме, которая находилась в тридцати километрах от нас, и очередной рывок противника вперед для советских командармов стал неожиданностью. Красные военачальники не предполагали, что немцы смогут так быстро перегруппировать силы и подтянуть резервы. Думали, что у них еще есть неделя. Но ее не было, и спустя сутки начнутся кровопролитные бои за окруженную Вязму. Сопротивление советских войск будет сломлено и немцы еще на сто с лишним километров приблизятся к Москве...

Такие вот дела. Невеселые. А что касательно нас, то немецкие десантники уже через час заняли поселок. Еще через два часа появилась германская мотопехота, а ближе к вечеру всех арестантов вывели во двор клуба и построили.

Чего ждем или кого? Мы не знали. Может быть, даже пустят в распыл.

Народ заволновался. Однако разговорчики быстро пресекались немцами, которые не стеснялись постреливать над головами и отвешивать арестантам пинки.

Во дворе нас продержали недолго. Вскоре появился немецкий офицер, который довольно чисто говорил по-русски. Он прошелся вдоль нашего строя, отпустил пару соленых шуток и поинтересовался наличием командиров, комиссаров и жидов. Приклатненный ответил ему, что таковых нет. После чего офицер приказал ему выйти из строя и отдал солдатам приказ на немецком вернуть нас обратно.

Вот какие финты судьбина крутит. Утром я был преступник и меня охранял боец НКВД. А вечером я уже военнопленный и меня охраняет немецкий солдат. Пожрать при этом, конечно, не дали. Про нас просто позабыли и хорошо еще, что было вдоволь воды, а то бы совсем загнулись.

7. Смоленск. 07.09.1941.

На восток нескончаемым потоком двигались немецкие войска. Сытые и хорошо обученные германские солдаты, победители Европы, шли покорять СССР. Они улыбались и часто шутили, выполняли приказы своих генералов и были уверены, что уже в этом году война закончится, и каждый получит кусок пирога, гектары жирного чернозема, денежную помощь от государства и рабов. А я и люди, которые, по воле судьбы, оказались со мной рядом, брели на запад. Мы стали военнопленными и, глядя на немецкие танки, бронетранспортеры, орудия, тысячи солдат и пролетающие в небе самолеты, многие искренне радовались и желали фашистам удачи.

Как же так? Как можно желать чего-то доброго врагу? Все просто. Наша колонна была не совсем обычной. Она состояла из тех бойцов, которых немцы вытащили из тюрьмы НКВД и перебежчиков. По мнению немцев, мы имели претензии к советской власти и могли быть полезны. Поэтому нас сразу отделили от красноармейцев, которые попали в плен после боя.

Куда и зачем нас гнали, никто не объяснял. Судя по направлению, идем на Смоленск, и каждый день к нам присоединялись новые группы военнопленных. Контингент соответствующий: мародеры, бандиты, трусы, бывшие кулаки, пострадавшие от репрессий и так далее. Народ беспокойный и чтобы мы не бузили, не устраивали драк и резни, над нами поставили старших. И одним из них стал тот самый прибалтненый боец, который общался с немецким офицером. Звали его Владимир Петрович Лопухин, матерый уголовник по прозвищу Сайка, который успел отсидеть шесть лет на севере, вернулся на Родину, а тут война. Его мобилизовали и, получив оружие, он занялся воровством и был пойман. Для вора советская власть – вражеская, а немцы вроде как поближе, приподняли его и дали немного власти. После чего он сразу показал себя во всей красе. Сколотил небольшую банду, которая помогала ему контролировать остальных военнопленных, издевался над слабыми и лебезил перед конвоирами. Короче говоря, сука! Но меня он и его братки не трогали. В отличие от большинства военнопленных я успел повоевать и мог за себя постоять. Я сам себе на уме, ни с кем близко не сходился, разговаривал мало и ни во что не вмешивался.

Конечно, противно наблюдать, как Сайка унижал других людей, и не по себе от того, что кто-то откровенно радовался поражению советской армии. Но я тоже не ангел. Командира убил? Да. Преступник? Да. И вокруг меня такие же люди. За каждым есть свой грех. И если со мной что-то случится, помощи ждать неоткуда. Я это прекрасно понимал и, прислушиваясь к разговорам других военнопленных, которые гадали о дальнейшей судьбе, думал о будущем.

Скорее всего, нас пригонят в полевой лагерь для военнопленных и начнут сортировать. Кто готов служить немцам на добровольных началах в трудовых подразделениях – в одну сторону. Кто готов стать полицаем – в другую. Кто отказывается – в общую массу к обычным военнопленным. Нас поставят перед выбором. И что должен делать я, Андрей Погиба? Самый простой вариант, согласиться на сотрудничество с немцами и при первом удобном случае бежать. Может быть, прибиться к партизанам и продолжить борьбу. Однако что мне это даст? Буду воевать, рисковать своей жизнью и после войны, которая, как я хотел верить, закончится победой СССР, за мной снова придут ребята из НКВД. Опять меня возьмут под белы ручки, а потом поставят к стенке. В общем-то, загадывать глупо, ибо шансов пережить войну немного. Но если выживу и не сменю фамилию, обязательно попаду под пресс.

Идея! Сменить фамилию. Это возможно? В принципе, сделать это не так уж и трудно. Кругом неразбериха и найти чужие документы можно. В этом есть здоровое зерно, и я решил,

что именно так и поступлю. Соглашусь служить немцам, совершу побег и стану каким-нибудь Ивановым-Петровым-Сидоровым. А потом по обстоятельствам. Уйду к партизанам или затаюсь в глухой деревне.

Определившись с дальнейшими действиями, я приободрился. Появилась цель. Однако человек предполагает, а судьбина располагает, и все сложилась совсем не так, как мне хотелось...

Пятого сентября, после многочисленных остановок и расстрела трех красноармейцев, которые попытались сбежать, нас пригнали на окраину Смоленска и поместили в лагерь для военнопленных. Кругом колючая проволока и вышки, а за периметром корпуса животноводческой фермы. В лагере находилось больше тысячи человек. Охрана серьезная, сбежать без подготовки не выйдет, тем более в одиночку. Если решаться на такой поступок, обязательно нужен напарник. А взять его негде, потому что лагерь не простой, а для добровольно сдавшихся в плен бойцов и здесь командовали такие люди как Сайка-Лопухин. Они меня сразу сдадут и немцы им поверят.

В общем, я не рыпался и на следующий день познакомился с человеком, который сильно повлиял на мою судьбу.

В жилой корпус, где обосновались военнопленные нашей колонны, вошел средних лет крепкий мужчина. Судя по споротым знакам различия на гимнастерке, в прошлом красный командир. Он вел себя уверенно, осмотрелся и задал вопрос:

– С Кубани, Дона или Терека есть кто-нибудь?

Земляков искали часто, так легче выжить, в этом ничего удивительного.

– Есть! – поднявшись с деревянного лежака, отозвался я.

Незнакомец приблизился и протянул руку:

– Андрей Иванович Тихоновский.

Я пожал его руку и тоже представился:

– Андрей Погиба.

– Тезка? Это хорошо. Ты откуда?

– Родом с Уманской. А так детдомовский, из Краснодара.

– Из казаков?

– Да.

Он улыбнулся и кивнул в сторону выхода:

– Пойдем, потолкуем?

– Давай.

Мы собрались выйти. Однако уверенность, с какой держался Тихоновский, не понравилась Сайке, и он его окликнул:

– Слышь, командир, а ты в каком звании в Красной армии был?

На вопрос Тихоновский ответил встречным резким вопросом:

– А ты кто такой, чтобы вопросы задавать?

Лопухин мог промолчать и ничего бы не произошло. Однако безнаказанность что-то сдвинула у него в мозгах, и он решил проучить бывшего красного командира.

Вор поднялся и в сопровождении трех шестерок двинулся к нам. Его намерения были написаны на лице, и Тихоновский шепнул мне:

– Ты со мной или в стороне?

– С тобой, – сказал я.

– Добре.

Я приготовился драться. Плевать, что нас двое против четверых, я был уверен, что мы сильнее. Однако драка не произошла. Вместо нее было избиение.

Тихоновский свистнул в сторону выхода и в помещение вошли еще три человека. Как и мой земляк, бывшие командиры Красной армии. Если судить по повадкам, люди жесткие, и они сходу, без объяснений, набросились на Лопухина и его бойцов.

Разница между уголовниками и профессиональными военными была видна сразу. Сайка попытался сдать назад, но его и подельников не выпустили, свалили всех в кучу и стали избивать. Молотили воров жестко, но без членовредительства. А они валялись по полу, кричали и звали на помощь, но никто из военнопленных даже с места не сдвинулся. Это и понятно – своя рубашка ближе к телу и в нашем корпусе Сайку уже успели невзлюбить.

Моя помощь неожиданным союзникам не понадобилась. Мы с Тихоновским наблюдали за избиванием воров со стороны, а затем вышли. Как раз появились немцы, которые слышали вопли уголовников, но с ними объяснялись без нас. Один из бывших командиров очень хорошо говорил по-немецки и быстро убедил охранников, что виновники беспорядков уже наказаны и все под контролем.

Спустя четверть часа все затихло, уголовники забились в дальний угол, а немцы ушли. Тихоновский пригласил меня перебраться в соседний корпус, где преимущественно находились командиры, я согласился, и там мы разговорились. Сначала свою историю рассказал я, предельно честно и открыто, потому что скрывать нечего, а потом он.

Андрей Иванович Тихоновский из казаков станицы Ново-Корсунской. В Гражданской войне участия не принимал по малолетству. Школу закончил уже при советской власти и отправился учиться в индустриальный техникум. Не доучился. Его призвали в армию, и началась военная карьера. Срочную службу тянул красноармейцем химической роты в горно-стрелковой дивизии. После демобилизации поступил в Высшее инженерно-строительное училище и получил диплом гражданского инженера. А потом пошло-поехало. Военно-инженерная Академия РККА имени Куйбышева, должность помощника начальника 2-го сектора 2-го отдела Управления инженеров РККА, начальник 25-го строительного участка Осовецкого УРа, начальник отделения дорожного батальона и звание военинженера 2-го ранга. Чего-то в жизни он достиг и у вышестоящего командования был на хорошем счету. Однако когда началась война, Тихоновский посмотрел, что вокруг происходит, вспомнил все обиды к советской власти и перешел на сторону немцев.

Но это не самое главное, что я узнал. Оказалось, что Тихоновский искал земляков не просто так, от нечего делать или по прихоти. Немцы дали ему первое поручение – выявить в лагере и собрать в одном месте всех уроженцев Дона, Кубани и Терека. Чем он и занялся, организовал поисковую группу и прошелся по корпусам. Наш был последним, и теперь у Тихоновского имелась группа из двадцати трех человек.

Для чего немцам уроженцы юга можно было только догадываться. Вопросы новому знакомому я не задавал, решил в очередной раз проявить терпение, и вскоре Тихоновский сам сказал, что германцы собирают не просто южан, а казаков. В чем причина? Подробностей он не знал. Но предположил, что из казаков создадут отдельное вспомогательное подразделение, и не ошибся.

На следующий день группу Тихоновского вывели из лагеря и построили возле штаба, который раньше являлся конторой животноводческой фермы. Потом к нам добавили еще пять человек – это те, кого немцы выявили самостоятельно по документам. А затем из штаба вышли три немецких офицера, а с ними уса́тый подтянутый казак в черкеске и кубанке, при погонах, с кобурой на ремне и при кинжале. Он оглядел нас и громко произнес:

– Здорово живете, казаки!

Половина военнопленных промолчала, в основном молодые, и я в том числе. Мы просто не знали, что ответить. А вторая половина, кто постарше, отозвалась:

– Слава Богу!

– Что-то не дружно! – казак усмехнулся. – А ну еще раз! Здорово живете, казаки!

Теперь уже все знали, что нужно отвечать, и получилось довольно дружно:

– Слава Богу!

Казак удовлетворенно кивнул и назвал себя:

– Я есаул Корнеев, прибыл за вами. Агитировать не стану. Сразу к делу. Кто готов воевать против красногадов под командованием казачьих атаманов, шаг вперед!

Тихоновский толкнул меня в бок, мол, не зевай. После чего вышел из строя, и я последовал за ним.

8.

Рава-Русская. 30.09.1941.

Иван Сергеевич, пожилой полный мужчина с гладко выбритой головой, оправил серый китель без знаков различия, прошелся вдоль доски и продолжил лекцию:

– Почему большевики звериной ненавистью ненавидели казаков? По той причине, что они прекрасно понимали – пока есть у казачьего народа сила, он будет сопротивляться бесам. И даже такие красные командиры как Миронов, Сорокин и Кочубей, природные казаки, оказались в опале. Они осознали, что их обманывают, что новая власть ничего кроме горя и беды России не несет, попытались пойти против течения и за это поплатились. Проклятое жидовье уцепилось за Кремль и проводило политику уничтожения православной церкви, отбирало у казаков их привилегии и политую кровью дедов землю Присуда. Одержимые бесноватой идеей – покорить весь мир и заставить его жить по своим законам, они шли по трупам и не останавливались ни перед чем. Казаки это видели, но гнули свою линию. Бились так, как никогда до этого. Однако конец был один – смерть. Или в бою от клинка побратима, или от пули подосланного чекиста, или от голода и тяжелого труда в лагерях смерти.

Пострадали все – спора нет. Досталось тамбовским и сибирским крестьянам, рабочим, интеллигентам и дворянам. От репрессий большевиков погибли миллионы людей. Но более всего пострадали казаки и священники. Нас выселяли и расказачивали, жгли, пытали и убивали, ссылали на север и запрещали иметь оружие. Казака приравнивали к мужику. Наши семьи морили голодом, и мы никогда не забудем тридцать второй год, чекистов, отряды интернационалистов-карателей и проклятые «черные доски». Не забудем героев, которые поднялись в станице Тихорецкой и несколько дней отбивались от превосходящих сил красного интернационала. Не забудем атаманов, которые долгие годы вели партизанскую войну и были опозорены перед народом. Не забудем переименованные станицы и расстрелянных офицеров. Не забудем казаков, которые поверили словам большевиков, вернулись на Родину из-за границы и пропали в сибирских лагерях. Трагедия нашего народа – казачьего народа, навечно в сердцах казаков.

Я говорю об этом для того, чтобы вы знали – примкнув к немцам, казаки не совершают измену России. Нет! Мы идем с иностранцами для того, чтобы прогнать захватчика-оккупанта и вернуть свое. В моих словах нет лжи, а только голые факты. Как пример, зачитаю отрывки из нескольких советских документов. Для начала директива ЦК РКП «Ко всем ответственным товарищам, работающим в казачьих районах».

Преподаватель сделал паузу, взял со стола лист бумаги, прокашлялся и начал читать:

«Учитывая опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организовав переселение, где это возможно»...

А вот одно из предписаний Донбюро:

«В целях скорейшей ликвидации казачьей контрреволюции и предупреждения возможных восстаний Донбюро предлагает провести через соответствующие советские учреждения следующее:

1) Во всех станицах, хуторах немедленно арестовать всех видных представителей данной станицы или хутора, пользующихся каким-либо авторитетом, хотя и не замешанных в контрреволюционных действиях, и отправить как заложников в районный революционный трибунал. (Уличенные, согласно директиве ЦК, должны быть расстреляны.)

2) При опубликовании приказа о сдаче оружия объявить, что, в случае обнаружения по истечении указанного срока у кого-либо оружия, будет расстрелян не только владелец оружия, но и несколько заложников.

3) В состав ревкома ни в коем случае не могут входить лица казачьего звания, некоммунисты. Ответственность за нарушение указанного возлагается на райревкомы и организатора местного ревкома.

4) Составить по станицам под ответственность ревкомов списки всех бежавших казаков (то же относится и к кулакам) и без всякого исключения арестовывать и направлять в районные трибуналы, где должна быть применена высшая мера наказания»...

Или еще один пример, директива Реввоенсовета Южфронта от 16 марта 1919 года:

«Предлагаю к неуклонному исполнению следующее: напрячь все усилия к быстрейшей ликвидации возникших беспорядков путём сосредоточения максимума сил для подавления восстания и путём применения самых суровых мер по отношению к зачинщикам-хуторам:

а) сожжение восставших хуторов;

б) беспощадные расстрелы всех без исключения лиц, принимавших прямое или косвенное участие в восстании;

в) расстрелы через 5 или 10 человек взрослого мужского населения восставших хуторов;

г) массовое взятие заложников из соседних к восставшим хуторам;

д) широкое оповещение населения хуторов станиц и т. д. о том, что все станицы и хутора, замеченные в оказании помощи восставшим, будут подвергаться беспощадному истреблению всего взрослого мужского населения и предаваться сожжению при первом случае обнаружения помощи; примерное проведение карательных мер с широким о том оповещением населения»...

Иван Сергеевич взял паузу, оглядел притихший класс, тяжело вздохнул и продолжил:

– Много бед причинили нам большевики, и теперь Сталин думает, что мы все забудем? Нет! Этому не бывать. Или мы или советская власть. С любым правительством можно договориться, даже с немецким. Но только не с коммунистами. Хотя вы должны знать, что в тридцать шестом году Сталин разрешил казакам служить в армии. Раньше мы были представителями эксплуататорского класса и нам не доверяли, а перед большой войной, которую намечал Сталин, даже казаки сгодились. И теперь на стороне советской власти есть казачьи части, пусть сильно разбавленные обманутыми русскими мужиками и еврейскими политруками, но казачьи. Это 10-я Терско-Ставропольская территориальная дивизия, 12-я Кубанская, 4-я Донская Краснознаменная имени Ворошилова, 6-я Кубано-Терская Краснознаменная имени Буденного и еще несколько соединений. Так что учтите сразу – Гражданская война продолжается. Может быть, она для кого-то и закончилась, но только не для нас. Придется рубить своих братьев, кто отравлен идеологией коммунизма и верит Сталину, иначе они порубят вас. Я это уже проходил и знаю, о чем говорю...

Преподаватель посмотрел на наручные часы, а затем на временного командира нашего взвода урядника Аверина:

– Занятие окончено. До обеда полчаса. Можете немного побездельничать.

– Слушаюсь, Иван Сергеевич, – отозвался кряжистый урядник, который в Гражданскую войну воевал на стороне белых и долгое время проживал в Сербии, а теперь горел желанием вернуться на родной Дон. – Класс, встать! Занятие окончено! На выход!

Загремели отодвигаемые стулья. Один за другим казаки потянулись к двери, а я решил немного задержаться...

Вот уже две недели я в городе Рава-Русская, недалеко от бывшей советско-польской границы. Сюда попал с подачи Тихоновского, который посчитал, что мне не стоит сразу служить в охранных батальонах. Самого военинженера 2-го ранга отправили в Германию, в школу пропагандистов, но перед этим он шепнул за меня словечко есаулу Корнееву. После чего вместе еще с девятью уже бывшими военнопленными под конвоем немецких солдат я добрался до школы, где готовился младший командный состав для будущих казачьих формирований. Сначала на поезде до польского городка с труднопроизносимым названием, а потом на грузовике в Раву-Русскую.

В пути я несколько раз был близок к тому, чтобы совершить побег. Охранникам на нас плевать, а попутчики люди серьезные и вели себя спокойно. Вдоль дорог лес – на повороте прыгай и беги, никто следом не кинется. Однако каждый раз меня что-то удерживало, возможно, любопытство. И вот я курсант. В школе четыре учебных взвода, два десятка белоэмигрантов, которые служат преподавателями и наставниками, а так же полтора десятка немцев. Учебная программа сильно ужата, рассчитана на месяц, и мы занимаемся каждый день без выходных. Тактика и стрелковая подготовка на полигоне за городом. Идеология и политинформация. Изучение оружия, основ немецкого языка и уставов. Строевая и физическая подготовка. Половина курса за плечами и я уже не собираюсь никуда бежать. За немцев воевать не хочу. Но кругом свои. Ко мне относились по-человечески и это меня подкупило. Учеба мне нравилась, кормили хорошо, а муштровали в меру. В общем, норма и даже польская униформа без знаков различия с немецкой пилоткой меня не смущали. Говорят, казачью еще не пошили, а нашивки РОА пока не придумали.

Кстати, про РОА. Если верить инструкторам и немецким радиопередачам на русском языке, которые помимо свежих сводок с фронта передают музыку и речи белоэмигрантов, плененных советских генералов и чиновников, германцы создают Русскую Освободительную Армию. Командует ею советский перебежчик генерал-майор Трухин. Следовательно, мы его солдаты, хотя он, скорее всего, ширма и не более, а решения принимают немцы. НО! Помимо этого мы еще и казаки. Отдельный этнос, немцы говорят остготского происхождения. Поэтому подчиняемся УКФ – Управлению Казачьих Формирований, которое возглавляет всем известный атаман Петр Николаевич Краснов, а в помощниках у него атаманы Балабин, Шкуро и еще много других известных белоказаков. Пока, как говорят, все очень и очень зыбко. Однако формирование армии началось. Это помимо полиции и охранных батальонов. И если все пойдет гладко, уже через пару месяцев появится 1-я дивизия РОА, в которой будет пара казачьих полков, кавалерийский и пластунский. С меня взятки гладки, за что купил информацию, за то и продаю. Хотя чего я? Птичка-невеличка. Главный слушатель немецких радиопередач не курсант Андрей Погиба, а советские граждане, которые видят, что РККА продолжает отступать, а германцы захватили Минск и Киев, и с каждым днем все ближе к Москве и Ленинграду...

Тем временем класс опустел, и преподаватель обратил на меня внимание:

– Погиба? Вы что-то хотели?

– Разрешите задать вопрос, Иван Сергеевич?

Преподаватель, чья фамилия для курсантов была секретом, присел за стол и милостиво кивнул:

– Спрашивайте.

– Я вот одного не пойму. Вы постоянно говорите – казачий народ. Но разве мы не русские?

Он улыбнулся, а затем ответил:

– Скажу словами царского историка и генерала Ригельмана: «Казаки не считают себя выходцами из Московии: кто же москалями их назовет, то отвечают: Я не москаль, а русский, и то по закону и вере православной, но не по природе».

– И что это значит?

– Это значит, что русскими при царях были все славяне, кроме поляков. Мы в основе славяне. Не великороссы, как думают русские националисты, и не остготы, как считал Адольф Гитлер. Следовательно, для нас все остается, как было при царе-батюшке, покойся он с миром. Мы часть России и русские, если считать таковыми великороссов-москалей, украинцев, белорусов и казаков. Но мы отдельный народ, если русские только великороссы.

– А как же произошло разделение?

– Во время переписи 1926 года, которую провели большевики. Украинцы, белорусы и казаки могли указать себя как отдельную национальность, а русскими стали называть одних великороссов. Вы еще молоды, Погиба, не помните этого.

– А разве вы в это время не за границей были?

– Я в эмиграции оказался только в двадцать восьмом, когда понял, что смысла оставаться на территории СССР уже нет. Впрочем, это вам знать не обязательно.

– Понял, – я кивнул.

– Очень хорошо, что вы такой понятливый, Погиба. А к чему вообще про казачий народ спросили?

– Хочу определиться, кто есть кто.

– И мой ответ как-то повлиял на вас?

– Пока не знаю, – я пожал плечами. – Разрешите идти?

– Ступайте.

Я направился к выходу, но преподаватель окликнул меня:

– Погиба?

– Я! – четкий поворот назад.

– А есаул Кондрат Погиба вам не родственник?

– Не могу знать.

– Ладно, это я так, для себя поинтересовался.

Он махнул рукой и я вышел. Остановился в коридоре и мимо меня пробежал знакомый курсант, бывший сержант-танкист Костя Федоров. Он выглядел взволнованным и я его окликнул:

– Ты куда?

Федоров ответил на ходу:

– К радио! Там свежая сводка! Немцы ворвались на окраину Москвы!

«Москва – как много в этом звуке»... – вспомнил я слова поэта и побежал за Костей.

Спустя минуту я был на плацу, где находился практически весь личный состав школы. Подвешенный на столб раструб радиоточки передавал немецкую сводку на русском языке. И если верить диктору, сегодня ночью 10-й танковый полк 8-й танковой дивизии немцев захватил Волоколамск, совершил марш-бросок по Волоколамскому шоссе и ворвался на окраину Москвы. Идут бои в районе Сходненского водохранилища и Тушино. Против регулярных германских частей бьются ополченцы. Долго они не выстоят и захват Москвы дело двух-трех дней. Иосиф Сталин, Ставка Верховного Главнокомандующего и партийные работники, прихватив труп Ленина и награбленные у русского народа богатства, на специальном поезде бежали в Куйбышев...

Сводка закончилась. Заиграл бравурный немецкий марш. А среди курсантов и преподавателей царила тишина. Как ни странно, никто не радовался. Почему? Думаю, причины были разными. Кто-то считал, что если немцы быстро возьмут столицу, Сталин пойдет на

мирные переговоры, сдаст западные районы страны и мы германцам уже ни к чему. А кто-то тайно сочувствовал красноармейцам и ополченцам, которые сейчас грудью встречали немецкие танки и погибали. Какие ни есть советские граждане, но они не чужие люди, в конце концов. В одной стране жили, одни и те же радости-горести делили, один хлебушек кушали.

Впрочем, вскоре все разошлись. Обед. А после него курсантов построили на плацу, и начальник школы Карл Бушенгаген прошелся вдоль строя и лично вручил каждому по два шеврона РОА. После чего произнес небольшую бодрящую речь, в которой главная мысль была проста – арийцы одолели славян и это потому, что они сверхчеловеки, первый сорт.

– Рано празднуешь победу, – глядя на Бушенгагена, еле слышно прошептал стоящий рядом Федоров, – кровушкой еще умоешься и тогда про нас вспомните.

«Это точно», – мысленно согласился я с ним и посмотрел на новенькие шевроны, в щите Андреевский Крест, а над ним буквы РОА.

9. Москва. 30.09.1941.

– Товарищ, боец! Товарищ, боец!

К старшине Захарову подбежала худенькая синеглазая девочка в белой блузке и синей юбке. Ее забавные русые косички раскачивались на бегу, а красный пионерский галстук сбился набок.

– Чего тебе, пигалица? – старшина приставил к стене дома трофейный немецкий пулемет и посмотрел на пионерку.

– Фашисты! – девочка указала на улицу. – Там они! Много! Идут!

– Знаю, – кивнул Захаров и, погладив девчонку по голове, слегка оттолкнул: – Беги отсюда. Прячься.

– А может, я могу чем-то помочь? – в глазах пионерки, которая не хотела уходить, была мольба.

– Уходи! – старшина повысил тон и девчонка отступила.

Возле Захарова появились ополченцы, молодые ребята из комсомольского отряда истребителей танков. Они были растеряны и не знали, что делать. Комсомольцы смотрели на старшину и он, понимая, что здесь и сейчас является главным командиром, стал отдавать приказы...

Передовая ударная группировка 8-й танковой дивизии ворвалась на окраину Москвы, и настрой немецких солдат был таков, что уже через пару часов они собирались выехать на Красную площадь. В советской столице царил хаос, правительство начало эвакуацию, в штабах неразбериха, милиция дезорганизована, а мародеры грабили магазины и склады. Казалось, что можно взять главный город страны голыми руками. Но не тут-то было и в Тушино немцев встретили ополченцы во главе с несколькими фронтовиками, которые совершенно случайно оказались в тылу, и среди них был старшина Николай Иванович Захаров.

Раны старшины затянулись быстро. Сильный организм справился и уже через пару недель Захаров, покинув селян, ушел в лес к партизанам. Там его встретили хорошо, без подозрения, поскольку о нем уже знали от местных жителей. После чего он сразу включился в боевую работу.

Партизан было немного, всего три десятка, но оружия у них хватало – отступающие советские войска бросали его много и часто. Однако они не знали, что делать, и тогда старшина предложил напасть на колонну военнопленных, освободить их и вооружить. Командир отряда, в прошлом председатель колхоза, с ним согласился, и партизаны организовали налет на временный дивизионный лагерь.

В ходе скоротечного боя было уничтожено семнадцать немцев и освобождено почти двести военнопленных. Что немаловажно, среди них оказались кадровые командиры. Один даже в чине полковника, хотя и был в форме рядового красноармейца, но сохранил документы. Звали его Кириллов, и он потребовал немедленно связать его с вышестоящим командованием. Вот только какая же связь в то время, когда фронт продолжает откатываться на восток, а партизаны только начинают свою деятельность? Опять же нет ради и связиста, да и вообще не понятно с кем именно связываться. Все это командир партизанского отряда попробовал объяснить полковнику, а тот сорвался и наорал на него.

Возник конфликт между бывшим председателем, который уже почуял вкус вражеской крови, и кадровым военным. Но опять вмешался старшина Захаров. Он человек опытный, в войсках половину жизни, и сразу сообразил, что полковник не пустышка. Бывает – человек

орет и что-то требует, а на самом деле он никто и звать его никак. Вот только Кириллов был другой. Заметно, что человек привык отдавать приказы, а еще он прошел отличную подготовку, скорее всего, диверсионную. Все это старшина определил по повадкам полковника, его манере двигаться и реакции на те или иные события.

Старшина пообещал обеспечить отряд связью и развил кипучую деятельность. Среди бывших военнопленных он нашел связиста, а затем собрал группу отчаянных бойцов, вышел к ближайшей деревне, где, по информации местных жителей, находился штаб немецкой тыловой части и после полуночи, лично убрав часового, повел партизан в атаку.

Снова удача не оставила лихого старшину. В ходе ночного боя советские бойцы понесли серьезные потери, но врагов положили втрое больше, а главное – захватили мощную радиостанцию и дотянули ее до лесного убежища партизан.

Вскоре связь с советским командованием была установлена и Кириллов, действительно, оказался важной птицей. Настолько, что за ним обещали прислать самолет. Партизанам отдали приказ подготовить полевой аэродром и запас топлива, и они приступили к выполнению задания. А полковник подошел к Захарову и предложил отправиться с ним. Мол, он из «Особого сектора ЦК ВКП(б)» и такие люди как старшина ему нужны.

Захаров долго не думал. Это был его шанс. Подобное предложение можно никогда в жизни уже не услышать. Поэтому он согласился и спустя сутки на партизанском аэродроме приземлился трехместный У-2СП, который дозаправился, забрал пассажиров и благополучно перелетел линию фронта.

Кириллова, который с Захаровым больше откровенных разговоров не вел, сразу отправили дальше, в Москву, и снова старшина был с ним. А в столице его двое суток продержали взаперти и постоянно задавали вопросы о приключениях на фронте, происхождении и пребывании на оккупированной территории.

В конце концов, все уладилось. Старшине выдали новенькую форму и документы, согласно которым он являлся водителем и был приписан к гаражу «Особого сектора ЦК ВКП(б)». Оружие, трофейный «парабеллум», вернули. А потом дали сутки на то, чтобы съездить в Подмоскovie и забрать семью. Все это с подачи Кириллова, который про Захарова не забывал и даже выделил ему машину-полуторку.

Старшина женился два года назад, сразу после Финской кампании, но у него уже имелись дети, сын и дочь. Семья проживала в десяти километрах от столицы по Волоколамскому шоссе, и он надеялся уладить свои дела быстро, без помех и в срок. Однако все его планы пошли крахом. Когда машина оказалась в Тушино, дорогу перегородила баррикада, которую спешно воздвигали ополченцы. Они объяснили старшине, что немцы уже рядом, только что примчался мотоциклист-разведчик, который видел немецкие танки, и дальше хода нет.

Бывалый фронтовик, который много раз видел, как из-за панических слухов рассыпаются целые батальоны, не поверил ополченцам и стал ругаться. Он даже достал свой грозный документ и уже почти убедил бойцов, что противник еще далеко, но затем увидел немецкий танк, который появился из-за поворота и быстро приближался к баррикаде. Ну а дальше от него уже ничего не зависело.

Немецкая «тройка» разнесла хлипкую баррикаду одним выстрелом и разогнала ее защитников. Многие бросились наутек. Но не все. Часть ополченцев из состава комсомольского истребительного батальона приняла бой, и, может быть, именно эти парни, вчерашние школьники, спасли Москву от быстрого захвата. У комсомольцев не было автоматического оружия, пулеметов и пушек. Одна противотанковая граната на бойца, винтовка и сорок патронов, а так же бутылки с горючей смесью. Полсотни не имевших боевого опыта парней, а с ними старшина Захаров, пара бывших в увольнении фронтовиков и три молодых лейтенанта, которые были отправлены в Волоколамск, но уперлись в преграду.

К счастью в передовом отряде немцев был всего один танк, несколько мотоциклов, два грузовика с пехотой и три бронетранспортера. Эта группа значительно опередила остальные подразделения 8-й танковой дивизии, и комсомольцы смогли ее остановить. Половина этих отважных ребят погибла, но они не отступили. Танк был подожжен двумя комсомольцами, которые закидали боевую машину «коктейлями Молотова» с крыши дома, а пехота и бронетранспортеры после перестрелки откатились назад.

Истребители выиграли полчаса. За это время к разрушенной баррикаде подошел сводный взвод милиционеров, рота рабочих и еще несколько фронтовиков, а старшина собрал трофеи, послал связных к подразделениям на соседних улицах и обзавелся пулеметом...

– Идут, – сказал Захаров молодой боец, услышав приближающийся шум моторов.

– Да, – старшина кивнул, взглядом проследил, как комсомольцы занимают боевые позиции, и поднялся на второй этаж жилого дома.

Захаров засел в обычной квартире, чьи окна выходили на улицу, прикинул сектор обстрела, остался доволен и затих. Жильцы разбежались. Он был один и в этот момент понимал, что, скорее всего, уже не увидит свою семью, жену и детей. Слишком невелики шансы выжить. А еще он думал о том, что мог бы уйти, но не уйдет. Не честно это. Не правильно. Нельзя оставить мальчишек, которые еще не видели жизни. И, наверное, сейчас самый важный момент в его жизни. Возможно, ради него он и появился на свет.

Немецкий MG-34 в умелых руках машинка хорошая, а старшина умел с ним обращаться, и надеялся проредить наступающих фашистов. Главное – не прозевать момент, потому что патронов мало, всего одна лента.

На улице вспыхнула перестрелка. Фашисты получили подкрепления и двинулись вглубь города. Пехотинцы стреляли во все, что внушало подозрения. Они были в авангарде, а за ними шла бронетехника.

Защитники Москвы, следуя указаниям старшины и других фронтовиков, огонь не открывали. Пусть враги подойдут поближе. Но все-таки нервы ополченцев не выдержали и кто-то выстрелил. Попал или нет – неважно. Его примеру последовали другие бойцы, и начался бой.

Опытные немецкие солдаты грамотно давили одну огневую точку за другой, расстреливали опорные точки ополчения из автоматов и забрасывали их гранатами. А если они не могли достать стрелков свое веское слово говорили танковые пушки или пулеметы бронетранспортеров. Фашисты все ближе и ближе. Они уже возле дома, в котором засел старшина. Ополченцы стали отступать и Захаров, выдохнув, прижал к плечу приклад MG, поймал в прицел вражеского пулеметчика в «ганоме» и открыл огонь.

Оружие задержалось в руках старшины. Но он не промазал. Пулеметная очередь prošлась по открытому бронетранспортеру и свалила двух солдат, стрелка и механика-водителя. После чего Захаров стал расстреливать пехоту. Он бил короткими экономными очередями и старался убить как можно больше врагов. Однако лента закончилась быстро и старшина, бросив пулемет на пол, быстро отступил вглубь комнаты.

Вражеские автоматчики стали расстреливать окно, но поздно. Старшина покинул квартиру и выбежал на лестницу, где находился резерв, несколько комсомольцев, и один из них передал ему винтовку.

Старшина передернул затвор и начал спускаться. Комсомольцы последовали за ним и на первом этаже они столкнулись с немцами. Пехотинцы ворвались в подъезд. Не развернуться, не повернуться, и старшина выстрелил от бедра. Его пуля вошла в грудь вражеского солдата, и он мог бы упасть, однако за его спиной были другие немцы, которые толкали тело мертвого камрада вперед.

– А-а-а!!! – не выдержав нервного напряжения, истошно завопил кто-то из ополченцев за спиной старшины и бросил в толпу врагов противотанковую гранату.

«Дурак! Какой же дурак! Мальчишка! Что же ты творишь?!» – подумал Захаров и плечом толкнул дверь ближайшей квартиры.

К счастью для старшины и еще двух бойцов, дверь была открыта. Они вломились в квартиру, и произошел взрыв. Мощная граната встряхнула дом и с потолка посыпалась штукатурка. Однако старшина с бойцами, в отличие от тех, кто остался снаружи, не пострадали. А когда слегка контуженные они покинули квартиру, то обнаружили только трупы. Комсомольцы и немцы лежали вперемешку среди кусков разбитой лестницы и вывалившихся из стены кирпичей.

– За мной! – подобрав немецкий автомат и сдернув с мертвого пехотинца подсумок, сказал старшина и первым выскочил во двор.

Захаров ожидал, что сейчас примет последний бой и ринется на улицу. Но здесь, совершенно неожиданно, он обнаружил бойцов Красной армии, не ополченцев, а красноармейцев. Они вели бой с немцами, которые снова отступали, и посреди улицы горела вражеская бронетехника. В штабах все-таки сориентировались, осознали, откуда грозит опасность, и бросили навстречу немцам все, что было под рукой, два батальона мотострелков из 4-й МСД и сводные отряды ополчения.

Фашисты отступили и больше не атаковали. Первый день боев за Москву закончился, и уже ночью старшина Захаров вернулся к полковнику Кириллову.

10. Рава-Русская. 15.09.1941.

Где-то далеко на востоке кипели кровопролитные сражения. Немцы, несмотря на громкие заявления, не смогли сходу взять Москву и обе противоборствующие стороны бросали в котел все новые и новые силы. Если верить речам Геббельса, немцы уже контролируют всю северо-западную часть города, дошли до Паркового кольца, заняли Химки, Тушино, Кунцево и Фили, под обстрелом Красная площадь, жители радостно встречают германских освободителей и в Москве царит безвластие. А если послушать СовИнформбюро, все наоборот. Немцы несут огромные потери и выдыхаются, горожане массово вступают в ряды ополчения, а доблестные бойцы Красной армии каждый день совершают чудеса героизма. Скорее всего, правда где-то посередине, как обычно.

Что же касательно нас, то занятия в школе продолжались своим чередом и приближался выпуск. Вот только мы никак не могли взять в толк, что ожидает нас дальше. Немцы, с которыми мы могли общаться, были уверены, что война закончится еще до наступления Нового Года. СССР капитулирует и после того как они быстренько дождут англичан наступит мир, который принесет Третьему Рейху процветание. Следовательно, никакой Русской Освободительной Армии не будет и нас, кто изъявит желание служить Великой Германии, отправят в подразделения вспомогательной полиции, а остальных разгонят. Однако преподаватели придерживались иного мнения, диаметрально противоположного. Они верили, что война продлится долго, не год и не два. Поэтому создание РОА, которое в свете последних событий, немного приостановилось, неизбежно и войны хватит всем.

Иван Сергеевич по этому поводу высказался неоднозначно:

– Это до поры до времени немцы так уверены в своих силах. Погодите, наступит русская зима, они поморозят сопли и начнут понимать, куда залезли. Сейчас у них эйфория, особенно у тех, кто сидит в тылу, и каждый день слушает речи Геббельса. Но скоро она пройдет. Поэтому не забивайте себе голову ерундой...

По моему глубокому убеждению, Иван Сергеевич был прав на все сто процентов и я не отвлекался, впитывал в себя новые знания, хорошо питался, занимался спортом и очень хотел стать сильнее, быстрее и умнее. Что завтра меня ожидает – неизвестно, и пока есть время необходимо готовиться к очередным испытаниям. Я уже не за красных, не за белых, не за немцев, а за самого себя. Минувший месяц очень сильно изменил мое отношение к советской власти в худшую сторону, но я все равно не мог до конца отделить себя от прошлого, в котором было не только плохое, но и хорошее. И как-то незаметно я решил, что пока буду катиться по колее. Куда кривая судьбы выведет, там и буду. Главное – выжить. Остальное пока мимо.

День сменялся другим днем. Наступил выпуск, курсанты сдали зачеты и каждый из нас, невзирая на прежние звания, происхождение, возраст и заслуги, получил чин урядника. Никаких торжеств начальник школы решил не устраивать. Нам выдали немецкие документы и мы отправились в казарму. Я собирался выспаться, однако неожиданно меня вызвали к Ивану Сергеевичу.

Я вошел в пустой класс, увидел Ивана Сергеевича, который сидел за столом и читал какую-то книгу, а затем доложил:

– Господин преподаватель, урядник Погиба по вашему приказанию прибыл!

– Тише-тише, – не глядя на меня, он положил книгу на стол и махнул рукой: – Присаживайтесь, Погиба. У меня к вам есть разговор.

Присев напротив Ивана Сергеевича, я замер. Зачем он меня вызвал? Чего хочет? Сейчас узнаю.

Преподаватель посмотрел на меня и наши взгляды встретились. Я отвернулся раньше и услышал:

– Погиба, у меня к вам два дела. Одно личного свойства. Другое по службе. С какого начать?

Я пожал плечами:

– Без разницы.

– Тогда с личного. Нашелся ваш родственник.

– Какой родственник? – не понял я. – О чем вы, Иван Сергеевич?

– У вашего отца был родной брат, Кондрат. Вы знали об этом?

– Нет.

– Тем не менее, это так. Не стану скрывать, вы меня заинтересовали, в будущем из вас может выйти неплохой офицер, да и фамилия знакомая. Казачий мир хоть и велик, но, так или иначе, все друг друга знают. Кто-то кому-то родич, кто-то с кем-то служил и воевал, а кто-то в мирной жизни пересекался. Я связался с Кондратом Погибой и он подтвердил, что родом из Уманской, что в станице оставался его родной младший брат, и что у него был сын Андрей, то есть вы.

– И где мой дядя сейчас?

– Он в Берлине, при штабе Казачьих Формирований. Какую именно должность занимает мне неизвестно, но раньше он был при атамане Шкуро. О вас родственник уже в курсе и желает встретиться. Вы этому рады?

Ошарашенный таким известием, я ответил честно:

– Пока не знаю.

– А хотели бы этого?

– Трудно сказать... Наверное...

– Понимаю вас. Хотя в любом случае эта встреча пока невозможна.

– Почему?

– Формирование 1-й дивизии РОА идет со скрипом, слишком много препятствий, и завтра вас отправят не на запад, где находятся наши главные лагеря, а на юго-восток, поближе к линии фронта.

– И с чем это связано?

– Я мог бы ничего не объяснять, но отвечу. Вам это пригодится для понимания подоплеки некоторых событий. Тем более, это не такая уж большая военная тайна. Немцы до сих пор не определяются, чего именно они от нас хотят. Многие германские генералы сомневаются в целесообразности крупных воинских соединений из числа казаков, русских эмигрантов, перебежчиков и военнопленных. В Берлине идет подковерная борьба, а рейхсканцлер использует грызню политиков и военных в своих целях. Поэтому в один день он может одобрять создание РОА, а в другой нет. Когда школа формировалась, нам обещали, что все курсанты отправятся в 1-ю дивизию. А сейчас, спустя полтора месяца, первый выпуск раскидают по вспомогательным подразделениям, которые будут подчиняться не генералу Трухину и его штабу, а непосредственно командирам немецких дивизий, корпусов и армий, комендантам тыловых районов и офицерам Абвера. Со временем все разрешится. По крайней мере, на это есть надежда. Вас вернут в РОА, а вспомогательные подразделения войдут в состав наших соединений. Однако на это понадобится время. Может быть месяц, а может быть, год или два. И вот тут мы подходим к делу, точнее, к заданию, которое я хочу вам поручить.

Снова он поймал мой взгляд, опять я отвернулся и уточнил:

– Это лично ваше задание?

Иван Сергеевич усмехнулся:

– Правильный вопрос.

Я промолчал и он продолжил:

– Задание лично от меня. Хотя вышестоящее командование о нем будет проинформировано.

– И что вы от меня хотите?

– Завтра за вами приедут «покупатели». Знаете кто это?

– Представители частей, которые доставят нас в подразделение.

– Верно. Их будет пять-шесть человек. Скорее всего, офицеры, командный состав части. Люди разные. Как правило, бывшие красные командиры в сопровождении немцев. Про некоторых нам уже кое-что известно и я хотел бы, чтобы вы присмотрелись к одному из них и понаблюдали за тем, что вокруг него происходит.

– Выходит, я должен стать вашим секретным агентом или стукачом?

– Глупость! Так или иначе, мы все в одной лодке. Никто не станет требовать от вас каких-то отчетов или донесений. Но когда мы снова встретимся и я спрошу, что за человек ваш командир, мне хотелось бы услышать честный, правдивый и объективный ответ. На что способен. К чему стремится. Как воюет. Что о нем думают подчиненные. В каких отношениях с немцами. Не захотите отвечать, промолчите.

– Я вас понял, Иван Сергеевич.

– И...

– Если это не вербовка и ничего не надо подписывать, я согласен.

– Значит, договорились?

– Договорились. Но хотелось бы сразу узнать, к кому вы меня хотите приставить.

Указательным пальцем преподаватель почесал кончик носа и ответил:

– Информации мало. Скажу, что знаю. Это бывший майор, по другим данным подполковник, Красной армии Иван Никитич Кононов. Утверждает, что из донских казаков станицы Новониколаевской Таганрогского округа. Командир полка. Попал в окружение. С частью своих красноармейцев и офицеров, среди которых были политработники, перешел к немцам. Сразу заявил, что готов сражаться с большевиками. Вступить в РОА пока отказался. Смог наладить контакты с германскими офицерами, в частности с генералом Шенкендорфом, и получил разрешение на создание вспомогательного казачьего подразделения. Что от него ожидать и на что он способен сказать трудно. Но завтра Кононов заберет два взвода. Первый и ваш.

– Получается, вы готовили кадры для себя, а их забирает другой?

– Именно.

– Это все?

– Да, Погиба. Желаю вам удачи. Не теряйтесь, берегите себя и внимательно смотрите по сторонам.

Вежливый преподаватель с повадками дворянина замолчал и я поднялся.

– Разрешите идти?

– Конечно.

Иван Сергеевич снова потянулся к книге, а я покинул класс и вернулся в казарму. Естественно, сослуживцы поинтересовались, где был и зачем вызывали, а я ответил, что у меня нашлись родственники.

Вряд ли мне поверили. Хотя бы потому, что в тот вечер треть курсантов под разными предложениями была вызвана к инструкторам и преподавателям. Люди вокруг не глупые и все прекрасно понимали, что это не просто так.

Наступила ночь и школа заснула, а после полуночи нас подняли по тревоге. Три свежеспеченных урядника из второго взвода разоружили часового и совершили побег. Это обнаружили слишком поздно, только, когда патруль заметил беглецов на окраине города. Одного немцы застрелили, а двое, отстреливаясь, ушли.

В общем, выспаться не удалось. Всю ночь нас пересчитывали, а утром приехали «покупатели», среди которых был лично Иван Никитич Кононов. И что о нем можно сказать? На первый взгляд ничего особенного. Крепкий мужчина, брюнет, выправка военная, заметно, что кадровый. Походка уверенная. С немцами разговаривал на равных. С нами не общался. Сразу прошел в штаб, где оформил документы. А еще через час на территорию школы заехали два больших немецких грузовика, и поступил приказ грузиться.

Ехали весь день с одной остановкой под охраной нескольких немецких мотоциклистов, и в расположении батальона, который назывался добровольческой казачьей частью № 102, оказались уже глубокой ночью. Здесь выгрузились и отправились в казарму, которая раньше была санаторием для партийных работников. Переночевали, а рано утром вышли на общее построение батальона.

11. Берлин. 20.09.1941.

Обхватив голову, генерал Трухин склонился над столом. Он размышлял о том, что ждет Россию и лично его в будущем. И мысли потомственного военного были невеселыми.

Ему повезло. Трухин пережил Гражданскую войну и его не коснулись сталинские чистки. А когда представился удобный случай, он перешел на сторону немцев, лично встретился с Георгом Лейббрандом, получил от него поддержку, был отправлен в Берлин и даже стал командующим Русской Освободительной Армии. Однако эта армия существовала только на бумаге и все, что у Трухина было, стремительно разрастающийся штаб, несколько школ младшего командного состава и группа пропагандистов.

Конечно, Федор Иванович понимал, что будет трудно. Но он не представлял насколько. Мнение германских военачальников и политиков менялось каждый день. Захватят очередной район Москвы или добьются успеха на другом участке фронта – РОА не нужна. Получат шельчок по носу – сразу вспоминают, что есть генерал Трухин, который предлагает свою помощь. Однако личный состав, который планировалось влить в 1-ю дивизию РОА, раскидали по вспомогательным подразделениям. Оставались только силы, которые подчинялись белоэмигрантам. А у них отношение к бывшему красному командиру, который в Гражданскую войну воевал против Белой гвардии, разумеется, негативное. Они постоянно интриговали, наговаривали на Трухина германским генералам, пытались его подсадить и всячески очерняли в эмигрантских газетах и журналах.

«Как можно иметь дело с такими людьми?» – Этот вопрос генерал Трухин задавал себе постоянно. Каждый белоэмигрант мнил себя великим стратегом и вождем. Каждый хотел вернуться на Родину в лучах славы. Каждый собирался поквитаться с теми, из-за кого был вынужден покинуть Россию. Вроде бы серьезные люди, доказавшие свою состоятельность делами и поступками. Но многие из них выгорели, их души превратились в пепел, и там не осталось ничего, кроме ненависти к советским гражданам и тщеславия. Поэтому, когда Трухин пытался донести до них мысль, что необходимо забыть прежние разногласия и сплотиться во имя одной цели, его слова отклика не находили. Генералы Белой гвардии его попросту игнорировали. После чего, временно забыв про него, они вспоминали прежние обиды и выдвигали своим собратьям претензии. Кто-то не поддержал соседа в бою. Кто-то обманул прежних друзей, запятнал офицерскую честь и кинул их на деньги. А кто-то уплыл из Новороссийска, Одессы и Севастополя, а боевых товарищей бросил.

– Самостийники! – тыкал пальцем в казаков один из белых генералов.

– Подстилка английская! – отвечали казаки.

– Господа! Опомнитесь! Россию спасет только монархия! – вмешивался в разгорающийся спор престарелый, но все еще крепкий, атаман Краснов.

– Нет! – влезал в спор очередной вождь. – Мы будем драться за республику!

– Прекратить! – Трухин встал и ударил кулаком по столу.

– Гнида красная! – выкрикнул кто-то в адрес командующего РОА.

Примерно так проходили первые общие военные советы Русской Освободительной Армии. До драк, слава Богу, не доходило. Но в дальнейшем этот опыт был учтен, и совещания велись в присутствии немецких офицеров, а список приглашенных резко сокращался.

Яростные споры. Планы и прожекты. Много разговоров. А по существу ноль. Собрать в кулак всех, кто был готов сражаться против советской власти, никак не выходило. Однако, несмотря на это, генерал Трухин веру в успех не терял. Он внимательно слушал каждую сводку

с фронта, как немецкую, так и советскую. После чего аккуратно переставлял красные и черные флажки на большой карте СССР, возвращался к работе и ждал вызова к вышестоящему начальству.

Кстати, о начальниках. Интерес к созданию инациональных формирований проявили многие. Само собой, Имперское министерство оккупированных восточных территорий и Вермахт. А помимо этого еще Абвер и СС. Бойцы были нужны всем, и Трухин соглашался работать с любым, если РОА могла с этого сотрудничества что-то получить. Но проблема в том, что у него не было реальной власти. Опять двадцать пять и его обходили. Зачем Абверу генерал Трухин, если разведка может набирать военнопленных самостоятельно и отправляет их в собственные школы? Зачем главе СС Генриху Гиммлеру командующий РОА, если он всего лишь номинальный глава? Зачем Вермахту боевая русская дивизия, если проще комплектовать отдельные охранные роты, сотни и батальоны? А ведомство Альфреда Розенберга постоянно реорганизовывалось и серьезными ресурсами не обладало. Так что начальников у генерала Трухина было много, но ни одного, кто, действительно, мог и хотел отстаивать интересы РОА. И каждый день его штаб получал сотни директив и приказов, а по сути это просто бумага...

Тяжело вздохнув, генерал встряхнул головой, откинулся на спинку стула и взял первый попавшийся лист бумаги. Это оказался присланный командующему на утверждение «Марш РОА» на мотив «Широка страна моя родная»:

«Мы идём широкими полями
На восходе утренних лучей.
Мы идём на бой с большевиками
За свободу Родины своей.
Марш вперёд, железными рядами
В бой за Родину, за наш народ!
Только вера двигает горами,
Только смелость города берёт!
Только вера двигает горами,
Только смелость города берёт!
Мы идём вдоль тлеющих пожаров
По развалинам родной страны,
Приходи и ты к нам в полк, товарищ,
Если любишь Родину, как мы.
Мы идём, нам дальний путь не страшен,
Не страшна суровая война.
Твёрдо верим мы в победу нашу
И твою, любимая страна».

Федор Иванович взял ручку, мгновение помедлил и поставил свою резолюцию:

«Утверждаю. Командующий Русской Освободительной Армии генерал-майор Трухин. Подпись».

Отложив текст марша в сторону, он собрался взять другой лист, но в кабинет вошел его секретарь капитан Мохов. Как и Трухин, он был перебежчиком, имел претензии к советской власти и сразу согласился воевать против большевиков. Из вологодских мещан, воевал на Халхин-Голе, имел медаль. Бравый вояка, а главное – Трухин его хорошо знал по службе в РККА. Поэтому сразу, как только узнал, что Мохов в плену, вытащил его из лагеря и оставил при себе.

– Господин командующий, – Мохов был официален, – к вам генерал Шкуро.

Трухин белого казака Шкуро недолюбливал. Впрочем, как и других белоэмигрантов. Однако он ему нравился. Была у Андрея Григорьевича какая-то харизма и он не лез в политику. Воин. Лихой и грамотный. С хорошим чутьем на опасность.

– Пригласи его, – Федор Иванович кивнул.

Секретарь удалился, а спустя минуту, в кабинете появился Андрей Григорьевич Шкуро, и в руках у него была черная кожаная папка. Как всегда, быстрый и порывистый, широкими шагами он прошел к столу и, не спрашивая разрешения Трухина, присел.

– Что вас привело ко мне, Андрей Григорьевич? – спросил Трухин гостя.

– Давай без имен-отчеств, – предложил казак. – Не на совещании, в конце концов, и мы не паркетные генералы. В свое время вместе царю-батюшке служили. Неужели общий язык не найдем?

Помедлив, командующий РОА, поморщился, но согласился:

– Можно без отчеств. Что нужно?

– На фронт хочу. Надоел Берлин, спасу нет. Кроме геморроя тут ничего не высидишь.

– А поконкретней?

– Соберу своих «волков» и вперед. Пока по Украине погуляю, а потом, глядишь, до Кубани дойду и дальше. Мне бы только до родных краев добраться, и у большевиков под ногами земля загорится. Весь Кавказ подниму.

– Ты же понимаешь, что это не просто?

– Все понимаю. Деньги нужны, оружие и справа, разрешение немцев и куча документов. Все это уже есть, нашел. Людей собрал, связи прежние подергал, нужна только твоя помощь.

– Под флагом РОА пойдешь?

– Под своим флагом. А вот шевроны твои.

– Мои... – Трухин скривился, словно съел что-то очень кислое. – Ты же знаешь, что у нас ничего нет, ни людей, ни ресурсов, ни оружия. Сейчас проще воевать самостоятельно, как это многие уже делают.

– Ничего-ничего, – Шкуро усмехнулся. – Всему своя черга. Это сейчас РОА ничто, а со временем все наладится. Уверен в этом – я чувствую, куда ветер дует.

– Допустим. А сколько людей собрал?

– Две сотни.

– Казаки?

– Конечно. Все, как один.

– И под чье командование встанешь?

– Есть связи в штабе генерала фон Рунштедта.

– Группа армий «Юг»?

– Она самая.

– Кто?

– Пока сказать не могу.

– Ты хитрец, Андрей Григорьевич. Подпись хочешь, а информацией делиться не желаешь.

– Если это отказ, я могу уйти.

– Сиди, – Трухин слегка махнул рукой. – Говори по сути, напрямую, что задумал. Тогда, возможно, договоримся.

Шкуро усмехнулся:

– Все уже сказано – хочу воевать. Хоть с чертом в одном строю, только бы против большевиков. А если тебе так надо знать фамилию того, кто меня примет, то это генерал Карл фон Рок, командующий тылового района группы армий «Юг». Я буду собирать трофеи, бороться с партизанами и охранять дороги, а заодно вливать в отряд казаков, если таковых встречу.

– Но и про себя, наверное, не забудешь?

– Это уж как водится.

– Давай свой документ, посмотрю, что там.

Атаман протянул Трухину папку. Командующий открыл ее и обнаружил несколько листов с приказом. Половина на русском, половина на немецком.

Федор Иванович вчитался в текст, который был составлен очень грамотно. Видно, что над ним потрудились опытный штабист, который хорошо понимал, как работает германская военная машина. Но это не самое интересное. Гораздо важнее, что из приказа, который он должен был подписать, следовало, что Шкуро никому напрямую не подчинялся. На документе будет много серьезных печатей и солидных подписей, но это пустышка. Добровольческая боевая группа генерала Шкуро отправляется в тыловые районы группы армий «Юг» для охраны коммуникаций и борьбы с партизанами, а так же для сбора военнопленных, вооружения и трофеев. Откомандирована штабом РОА, но поступает по собственному усмотрению и никем кроме генерала фон Рока не контролируется. А если с ним есть договор, согласно которому часть трофеев будет уходить в его личные закрома, казаки могут чувствовать себя весьма вольготно.

– Ты понимаешь, что этот приказ филькина грамота и если тебе понадобится моя помощь, я разведу руками и останусь в стороне? – Трухин посмотрел на Шкуро.

– Прекрасно понимаю. Но ты не беспокойся. С тебя взятки гладки, а с немцами я сам договарюсь.

– Хорошо. А что с этой командировки будем иметь мы?

– Ты о себе или о РОА? – уточнил Андрей Григорьевич.

– Личная выгода меня не интересует. Поэтому я говорю про армию.

– Во-первых, всем и каждому ты сможешь сказать, что одно из подразделений РОА уже воюет на благо Третьего Рейха. Во-вторых, часть военнопленных, кто готов служить на благо России, а не СССР, напрямую отправим в твоё распоряжение, минуя немецкие лагеря. А в-третьих, сбор оружия такое дело, что часть его может легко оказаться неучтенной, и передачу вооружения бойцам РОА мы легко оформим задним числом.

– Кто еще знает о твоей задумке?

– Из числа генералов?

– Да.

– Петр Николаевич Краснов.

– А...

У генерала Трухина было много вопросов, а у генерала Шкуро на все был заготовлен ответ. Они разговаривали еще полчаса и в итоге командующий РОА, пусть и без реальных полномочий, подписал приказ. После чего они расстались и Трухин, посмотрев на дверь, которая закрылась, покачал головой. Он не был уверен, что хитрый казак не попадетсЯ на своих махинациях с немецкими тыловиками. Но очень надеялся, что у него все получится и Русская Освободительная Армия сможет с этого что-то выгадать.

12. Могилев. 20.09.1941.

Нежданно-негаданно, я оказался в составе добровольческой казачьей части № 102 под командованием Ивана Никитича Кононова. На тот момент уже не батальон, как нам говорили в школе, а полноценный усиленный казачий полк.

История этого формирования проста и незатейлива.

С частью своего полка майор Кононов перешел на сторону немцев и после бесед с офицерами германской разведки его пригласил к себе начальник тыла группы армий «Центр» генерал-лейтенант Шенкендорф. Встреча проходила в неформальной обстановке, под шнапс и пиво, было много разговоров и тостов за скорейший крах коммунизма. Кононов и Шенкендорф быстро нашли общий язык, и майору было разрешено сформировать казачье подразделение. А чтобы он не шалил, к нему приставили немецкого офицера связи, лейтенанта графа Риттберга, и нескольких унтер-офицеров.

Имея такого высокого покровителя, который ожидал, что казачье формирование поможет германцам навести порядок в своих тылах, Иван Никитич мог позволить себе многое, и он развил бурную деятельность. Для начала разделил бойцов родного 436-го стрелкового полка. Казаки налево. Все остальные направо. Кто имел казачьи корни, тот остался, а русских, украинцев и других, за редким исключением, перевели во вспомогательные подразделения и полицию. После чего личный состав полка и приданные ему немецкие саперы начали оборудовать казармы, склады, конюшни, тир и манежи, а командир посвятил себя организационным мероприятиям: подбору личного состава, получению обмундирования, снабжения и вооружения.

1-го сентября Кононов прибыл в лагерь военнопленных под Могилевым. Народу там сидело прилично, более пяти тысяч человек. Выбор имелся, и майор произнес перед военнопленными зажигательную речь:

«Дорогие братья, нашей необъятной родины России! Я, донской казак, прослуживший в Красной армии с 1920 года по 22 августа 1941 года, прекрасно знаю, как вы жили при советской власти. Видел все ужасы, принесенные нам большевиками – голод, нищету, бесправие. Поэтому решил уйти от большевиков и поднять всех честных людей, любящих свою родину, на борьбу за освобождение нашего Отечества от преступной власти Сталина. Немцы идут нам навстречу, как союзники, и помогут снабжением, оружием, обмундированием, продовольствием и другими средствами до полного разгрома большевиков. После свержения советской власти мы сами установим свою народную власть. За помощь, оказанную нам немцами, мы, безусловно, отплатим добром: как? тогда будет видно. Но это не значит, что мы немцам отдадим территорию, или себя в кабалу. Нам помогут немцы, а мы им, ибо коммунизм угрожал и угрожает немецкому народу тоже. Поэтому мы выступаем как союзники. Мы выступаем не против русского народа или других национальностей, населяющих просторы России – мы выступаем против кровавой власти Сталина. Мы будем представлять из себя армию освобождения нашей Родины от коммунизма и восстановления в ней настоящего справедливого всеобеспечивающего порядка к жизни людей. Свобода слова, печати, право на вероисповедание. В скором будущем, я думаю и уверен, найдутся люди из нашего народа, которые образуют правительство и выработают программу наших чаяний и желаний. В этой борьбе мы, безусловно, должны использовать помощь Германии, другого выхода у нас нет.

Завтра в 10 часов утра, здесь, в лагере, я буду отбирать всех тех людей, которые хотят идти в открытый бой против большевиков. Конечно, в первую очередь, буду брать казаков, так как первая формирующаяся часть будет казачья.

До свиданья, братья!»

По рассказам казаков, которые сопровождали Кононова в этой поездке, ночью в лагере никто не спал. Военнопленные спорили, и произошло несколько драк. Желających присоединиться к казачьему соединению и бороться за освобождение России от большевиков оказалось много. Но было немало и тех, кто верил в гений «отца народов» и коммунистические идеи. Каждый отстаивал собственную точку зрения, порой, с камнем или заточкой в руке. Поэтому под утро за колючую проволоку вытащили десяток трупов.

Наконец, в лагере снова появился Кононов, который произнес очередную речь:

«Мои родные! Я бесконечно рад и горд за вас всех, дорогие братья. Я еще больше верю в правоту освободительной борьбы. Ваше желание вступать в ряды борцов против коммунизма, подтверждает правоту начатого нами дела. Верьте, братья, я не единственный, таких как я будет много. Формирования скоро начнутся по всему фронту. Мы развернемся в огромную освободительную армию. Красная армия – это наша армия и вся она перейдет на нашу сторону. Тиран-Сталин останется один со своей кучкой кровопийц, палачей-садистов из НКВД. Но уже с этими «героями», я думаю, мы как-нибудь справимся»...

На этом моменте многие военнопленные искренне рассмеялись, а майор продолжал:

«Я прошу вас всех быть выдержанными и соблюдать порядок. Сейчас я вас всех взять не могу, так как имею пока что разрешение формировать один казачий полк, но оставшихся прошу духом не падать. Вскоре придет разрешение немецкого правительства на формирование других полков и дивизий Освободительной армии, и все вы будете иметь счастье вступить в ее ряды. Как я уже сказал вчера, в первую очередь буду брать казаков».

Начался отбор, и большая часть военнопленных, несмотря на место рождения и национальные корни, решила записаться в казачье подразделение. Люди поверили Кононову и хотели воевать под его командованием. Это дорогого стоило и следовало ценить. Однако майор не мог забрать всех и каждому военнопленному задавал простые вопросы:

«Казак? Какого Войска? Какой станицы? Сколько и где служил в армии?»

Для родового казака определить своего не сложно. Казака видно сразу. Хотя среди военнопленных не казачьего происхождения попадались настолько ценные специалисты и опытные вояки, что Кононов рисковал и все-таки записывал их в казаки. Самовольно. Самостоятельно. Под свою ответственность.

Из этой поездки Кононов привез в подразделение 542 человека. Казаков – 405, не казаков – 137.

После Могилевского лагеря майор выезжал в другие. Он был в Бобруйске, Орше, Смоленске, Пропойске, Гомеле и так далее. Численность полка стремительно росла и к нему были эмиссары Русской Освободительной Армии. Они предложили майору присоединиться к РОА, но он, по совету немецкого офицера связи, отказался. Раз ему нет никакой пользы от РОА, зачем себя обременять? Есть один начальник – генерал-лейтенант Шенкендорф, и этого достаточно.

Посланцы генерала Трухина уехали, а спустя несколько дней Кононов отправился за ними следом и забрал из школы урядников два взвода.

На общем фоне урядники школы РОА, выходя на первое построение, казались белыми воронами. Из-за обмундирования, которое у казаков Кононова уже было единообразным – гимнастерки с казачьими погонами, донские казачьи папахи, брюки с красными лампасами и сапоги. Но это временно. Нас распределяли по сотням, а затем выдавали оружие и справу.

К полудню вместе с Федоровым и еще четырьмя урядниками я прибыл в казарму 4-й пластунской сотни и представился командиру. После чего был назначен заместителем командира 3-го взвода и познакомился с будущими сослуживцами. Что тут скажешь? Люди везде остаются людьми. Со всеми хорошими и плохими качествами. Все мы бывшие красноармейцы и, узнав, что я уже успел повоевать и родом с Кубани, казаки приняли меня как равного. По

крайней мере, до первого боя. А пока все было неплохо. Поставив выданный мне ППД в оружейную комнату, я занял койку и начал подгонять под себя казачью справу.

На следующий день 4-я пластунская сотня вышла на полигон. По учебной программе – стрельбы и тактика. Я показал, что умею, и сотник Тихонов остался доволен.

Каждый день прибывали новые бойцы. Учения шли постоянно, и я сильно уставал. Но не потому, что много бегал, а из-за ответственности. Все-таки урядник. Какой-никакой, а младший командный состав. Теперь приходилось отвечать не только за себя и меня это изрядно напрягало. Хотя, должен сказать, народ в 3-м взводе подобрался степенный и не буйный. В этом мне повезло, однако тогда я этого не понимал.

Тем временем полк расширился. На 20-е сентября в нем было почти две тысячи человек, и он состоял из восьми сотен. Первая, вторая и третья – конные. Четвертая, пятая и шестая – пластунские. В каждой «боевой» сотне пулеметный взвод из четырех «максимов». Седьмая сотня – пулеметная, четыре взвода по четыре «максима». Восьмая сотня – конвойная. Разумеется, имелся штаб. А помимо всего вышеперечисленного минометная батарея (дивизион) из двенадцати 82-х миллиметровых минометов, артиллерийская батарея (дивизион) из шести «сорокапятков» и шести 76-мм орудий. Плюс к этому связисты, саперы, тыловики, полковой духовой оркестр и знаменная группа.

Кстати, в этот самый день, 20-го сентября, перед строем был зачитан приказ штаба армейского тылового корпуса группы армий «Центр»:

«I. На основании распоряжений генерального штаба казачий отряд, формирующийся в городе Могилеве, именовать «102-й Донской казачий полк». Командиром полка назначается казачий майор Иван Кононов.

II. Все порядки, обучение, офицеры, унтер-офицеры должны быть установлены усмотрением и распоряжением майора Коконова.

III. Все части казаков и не казаков зачисляются на полное довольствие равное немецким частям».

Так все и было. Нас поставили вровень с немцами. Это было свидетельством того, что нас воспринимают как равноправных союзников, и среди казаков полка раздавались веселые смешки.

Разговорчики в строю пресекли офицеры. Снова над плацем воцарилась тишина, и выступил Кононов:

«Дорогие казаки! Около 22-х лет миллионы наших соотечественников томились и томятся в тюрьмах, подвалах и концлагерях НКВД благодаря советской власти. Мы потеряли свои семьи, своих близких; потеряли свои родные места, хутора, станицы. Потеряли все, что было сердцу близким и родным. Нет такого места в Советском Союзе, где не была бы пролита казачья кровь.

Наконец мы дождались времени, когда можно взять оружие в руки и отважной борьбой изгнать со своей Родины большевистскую нечисть. Мы не одиноки, с нами весь народ святой Руси. Вы знаете, русский народ не раз пытался сбросить с себя иго коммунизма. Вы все так же знаете о восстании казаков на Дону, на Кубани, на Тереке и других казачьих землях; знаете о восстании моряков в Кронштадте, восстании уральских рабочих, колхозные бунтах. Все это было потоплено в море крови. Кровавый изверг Сталин организовал свой аппарат насилия так, что российские народы лишены всякой возможности внутренними силами свергнуть его иго. Теперь, при помощи иностранного государства, мы имеем единственный шанс организовать во Всероссийское Освободительное Движение и раз навсегда покончить с коммунистическим режимом. Во имя освобождения нашей Родины мы обязаны принять помощь Германии. Конечно, за оказанную помощь мы должны будем отплатить Германии, ибо мир так устроен, что в нем пока ничего даром не дается. Но мы не собираемся торговать своим народом

или своей территорией. Мы идейно и совершенно сознательно идем на борьбу за освобождение нашей Родины от преступной власти Сталина и его банды.

Казачество, как авангард российского народа, всегда выступало первым на борьбу за его и свою свободу. Так это есть и на сегодняшний день. Вы, стоящие здесь, являетесь подтверждением этого неоспоримого факта. Если сегодня у нас один, только один, полк, то в скором будущем мы сможем иметь армию.

Я рад вас видеть, славные сыны казачества, в нашей родной казачьей форме. Слава вам, сыны мои! Да пошлет Господь Бог вам сил и здоровья для подвигов и славы казачьей. Не посрадим наших славных предков своими ратными делами! Пусть дрожит палач Сталин! Пусть знает весь мир, что казаки были, есть и будут передовым отрядом в борьбе с коммунистическим террором. Вы, мои родные, первый камень в фундаменте Российского Освободительного Движения. Россия не забудет вас и золотыми буквами запишет ваши подвиги! Да здравствует великая свободная Россия! Вечная слава казачеству!

А теперь, мои славные, примем нашу казачью Присягу, Прошу повторять за мною:

Я, казак, совершенно сознательно вступаю на путь вооруженной борьбы со злейшим врагом всего человечества – коммунизмом. Моя цель – изгнать из моей Родины большевизм. Во имя этой цели клянусь перед Богом и Казачеством служить честно и добросовестно и исполнять все, что от меня будет требоваться моими начальниками для достижения этой высокой цели. Я обязуюсь всюду показывать образец дисциплинированности и гражданского мужества. Если будет необходимо – готов отдать свою жизнь в борьбе за освобождение своего Отечества от коммунистического рабства. Если отступлюсь от этих торжественных слов, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарают меня братья по оружию. Аминь».

Мы принесли присягу, и после построения личный состав полка был отпущен в город. Могилев вот он – за воротами, а население встречало казаков хорошо. Может показаться, что это странно. Ведь совсем недавно в Могилеве и вокруг него шли ожесточенные бои. Но обычным горожанам на войну плевать. Они обыватели и ко всему относились достаточно спокойно. Даже к немцам. А казаки в национальной справе были своими, не хулиганили, за покупки расплачивались честно и вели себя дисциплинированно.

В общем, все было хорошо, вместе с казаками я гулял по городу и в тот день встретил Веру...

13. Могилев. 27-28.10.1941.

Близился вечер, я приводил в порядок купленный по случаю костюм и ждал командира сотни Тихонова. В прошлом он советский десантник, боец отменный, а главное – толковый командир. «С таким не пропадем», – говорили про него казаки, и я был с ними полностью согласен. Он никогда не орал попусту и не срывал зло на подчиненных, а когда сотник узнал, что у меня в городе появилась девушка, разрешал иногда отлучаться вне увольнительной. Основных условий при этом три. Первое – я ухожу под покровом темноты, в гражданской одежде, и возвращаюсь до рассвета. Второе – при себе обязательно пистолет. Третье – все новости, которые узнаю от девушки, должен сообщать командиру. Меня это устраивало и пока обходилось без происшествий. Да и какие происшествия? В городе спокойно, а Вера, моя зазноба, проживала в ста метрах от нашей части. Из ее окна хозяйственные ворота, через которые завозили сено, видно. Случись что, через десять минут я снова в строю.

Вообще, должен сказать, жизнь наладилась. С момента, как я оказался в полку Кононова, прошло пять недель. Война где-то далеко, а служба в радость и совсем не обременительна. Довольствие хорошее. Жалованье заплатили в срок, немецкими оккупационными марками. На полигонах выкладываемся по полной. Боевых задач пока нет. Пару раз выдвигались в патруль и один раз на усиление немцев, которые прочесывали окрестности города. Но главное – в моей жизни появилась Вера.

Как я уже упоминал, мы встретились в тот день, когда меня впервые выпустили в город. Казаки зашли в местный храм и помолились. Кто постарше, остался пообщаться с батюшкой, а молодежь прошла по улицам, и я увидел, как молодая симпатичная девушка споткнулась и выронила тяжелую корзину с яблоками. Остановился. Помог собрать фрукты. Она меня поблагодарила, а я сделал неловкий комплимент, представился и спросил ее имя. Слово за слово, разговорились. Как и я, Вера была сиротой. Я предложил проводить ее, и она согласилась, а спустя неделю мы оказались в одной постели. У нее до меня уже были мужчины. А для меня она первая. О любви речи нет. Просто вместе нам было хорошо. Вера торговала на рынке фруктами и присматривала за двумя бабушками-соседками. С этого жила. Ну и я помогал, чем мог.

Вспомнив Веру и представляя нашу очередную встречу, я заулыбался. Уже собрался снять казачью справу и примерить костюм, как услышал команду дежурного по сотне:

– Командиры взводов на выход!

Мой непосредственный начальник, командир 3-го взвода вахмистр Силаев, находился на конюшне. Он хоть и пластун, но лошадей любил и давно хотел перевестись в 1-ю сотню, к конникам. Раз его нет, значит, команда мне, ибо я его заместитель.

Выскочив из казармы, я остановился перед отдельной комнатой, которую занимал сотник. Рядом замерли командиры других взводов. А спустя минуту появился сотник, подвижный мужчина с повадками барса и автоматом на плече.

«Чего это он с оружием? – промелькнула у меня мысль – Случилось что?»

Сотник прошелся вдоль строя и заговорил:

– Для нас есть дело. Сегодня казаки 2-й сотни ездили за сеном в Княжицы. Там к ним присоединились перебежчики, три советских десантника. По их словам, десант выброшен несколько дней назад и он крупный, почти тысяча человек. Многие красноармейцы владеют немецким языком, имеют трофейное вооружение и германскую униформу. Цели десанта – вести партизанскую борьбу, взрывать эшелоны и под видом немцев терроризировать народ: насиловать, грабить, убивать и напускать побольше страха. Сейчас с перебежчиками беседует

командир полка и, скорее всего, с советским десантом придется разбираться нам. Поэтому общий сбор личного состава сотни. Получить оружие и боеприпасы. Приготовиться к маршу. Предварительно, выдвигаемся после полуночи. Разойтись!

«Вот и все, – объявив сбор взвода и дождавшись Силаева, подумал я, – придется драться против своих. Но разве советские мне свои? Я казак и пострадал от власти коммунистов, служу в казачьем полку и помогаю немцам. Моя дорожка с большевиками разошлась. Мы – враги, наверное, навсегда. Либо они нас. Либо мы их. Третьего не дано».

Спустя два часа, получив оружие, я стоял рядом с вахмистром Силаевым и слушал приказ:

«Боевой приказ № 1 Донского казачьего полка № 102.

1. Парашютный советский десант численностью до 1000 бойцов хорошо вооруженный, 20.10.41 сброшен в районе деревни Шепелевичи. Этот отряд (командир – майор Яснот, кличка «Зеленый», комиссар – старший батальонный комиссар Гущенко, кличка – «Мягкий») именуется «Белорусский патриот». Положение противника к 12-00 27.10.41: деревни Мортяновичи и Глубокое – 75 бойцов в каждой; в лесу 4 км юго-западнее. Мортяновичи группа (впредь – «Лесная») до 300 бойцов; деревни Полесье и Шепелевичи – до 125-150 бойцов в каждом; штаб отряда с группой (впредь – «Штабная») до 275 бойцов в лесу 6 км северо-западнее Шепелевичи.

Противник произвел земляные оборонительные сооружения.

2. Соседей нет. Агентурная разведка продолжает действовать. Войсковую разведку использовать только для непосредственного обеспечения.

3. Я решил: к 5-30 28.10.41 окружить противника в районе Мортяновичи-Глубокое-Полесье-Шепелевичи и к 15-00 того же дня уничтожить его в этом районе»...

Далее пошли задачи, какой сотне и где действовать. Наша 4-я пластунская выдвигалась на Полесье. Основная цель – уничтожение штабной группы противника. Вместе с нами 1-я и 2-я сотни.

Пункт постоянной дислокации покинули в час ночи. С нами артиллерия, сорокапятки и минометы. Боеприпасы на телегах. Две первые сотни верхами. Настроение личного состава бодрое. Рядом с сотником Тихоновым один из перебежчиков, молодой крепкий парень, которому по распоряжению Кононова оставили оружие.

К деревушке Полесье подошли с юга. Добрались без проблем. Сосредоточились и на рассвете, после дополнительного инструктажа, пошли в атаку.

Осень. Светало поздно. Сыро и зябко, недавно прошел дождь. Разделенные на группы советские десантники ночевали в лесу и в селе. Немцы рядом появлялись редко и они расслабились. Красноармейцы не ожидали нашего появления, а мы рвались в бой. Не потому, что ненавидели врага. А по той причине, что хотелось доказать, прежде всего самим себе, свою состоятельность. Раз уж мы начало армии освобождения России, пора показать себя в деле. Сколько можно бегать по полигонам? В бой! Давай, казаки! Бей красногадов!

По селу ударили минометы и пушки. Наши артиллеристы не промазали и разнесли амбар на окраине Полесья. В нем находилось полтора десятка красноармейцев. Объятый огнем амбар развалился на части, и пока кавалерия обходила село по флангам, пластуны рванулись вперед.

Выпустив два десятка мин и снарядов, артиллерия замолчала и двинулась за нами, а мы ворвались в Полесье и сразу вступили в бой. Советский десант – элита, лучшие из лучших, это нам известно, достаточно посмотреть на Тихонова. Однако красноармейцы были растеряны. Они металась по селу, а мы их расстреливали.

Из-за угла выбежал боец. Он в одном белье, но в руках у него карабин. Я срезал его короткой очередью, переступил через мертвеца и посмотрел за дом. Три десантника с пулеметом Дегтярева вломились в сарай и стали готовиться к бою. Поздно. Но, что хуже всего для них, они не видели меня.

Достав гранату, я метнул ее в сарай. Она влетела внутрь и взорвалась. После чего я побежал к нему и добил двух раненых. Ни сомнений. Ни сожалений. Я делал то, что должен.

Тем временем, пока я оторвался от взвода и воевал сам по себе, небольшая группа красноармейцев покинула Полесье и встретила с конными казаками. Не выжил никто. А пластуны двинулись дальше, к перелеску, где находились основные силы советского десанта.

Пару километров одолели за четверть часа. Артиллерия уже тут как тут. Часть конных казаков спешила, и присоединилась к нам, а одна сотня снова пошла в обход. Перед нами окопы, которые красноармейцы вырыли на окраине зеленого массива. Нужно давить противника сразу, пока он не опомнился, и мы не медлили. Под прикрытием минометов, сорокапятков и пулеметов, закрепились в лесу и оказались во вражеском лагере.

Противник никак не мог собраться. Нам это на руку и, закидав вражеские землянки гранатами, казаки рассекли группировку красноармейцев на части и приступили к их планомерному уничтожению. Бой был жаркий, но десантники не выдержали и вскоре стали сдаваться.

К одиннадцати часам утра все было кончено и, собрав трофеи, мы оттянулись обратно в Полесье. Здесь узнали, что другие отряды противника тоже разбиты. Опасаться больше некого, и мы устроили привал.

В расположение полка вернулись затемно. Хотелось только одного – спать. Однако перед отбоем нас построили на плацу, и была зачитана общая сводка по боевым действиям полка в первом бою.

Потери советских десантников: убитых – 155, раненых – 350, пленных – 240. Трофеи богатые: станковых пулеметов – 9, ручных пулеметов – 20, винтовок и карабинов – 350, автоматов – 380, ротных минометов – 21, полевых телеграфов – 5, радиостанций – 1, крестьянских телег – 15, лошадей – 28, немецкого обмундирования – 110 комплектов. Из-под ареста освобождено 160 человек. В основном мужчины от 17 до 45 лет, которых десантники насильно мобилизовали или задержали за сотрудничество с немцами.

Что касательно наших потерь, они тоже были. Полк потерял 30 человек убитыми и 65 ранеными. И среди тех, кто погиб, оказался вахмистр Силаев. Он получил свою пулю в самом конце боя, приподнялся, когда наступило затишье, и его подстрелили. Судьба... От нее не уйдешь...

Казалось бы, можно расходиться. Однако нас ожидала еще одна новость – сломив ожесточенное сопротивление Красной армии, в течение дня немецкие штурмовые группы продолжали бои за центр Москвы и сегодня водрузили знамя над Кремлем. Точнее, над развалинами, которые от него остались после многочисленных боев, штурмов, бомбардировок и обстрелов.

Немцы, которые были в нашем полку, радовались. А нам, сказать по совести, было все равно. Плевать!

Когда казаков распустили, и мы вернулись в казарму, меня позвал Тихонов. Я собрался доложить ему по уставу – прибыл такой-то такой, но он дал знак, что можно обойтись без этого. После чего спросил:

– Погиба, взвод потянешь?

– Потяну, – ответил я. – Только я молодой еще. Как казаки – примут или нет?

– Насчет этого не думай. Ты для них свой, я это знаю, и в бою тебя видели. Труса не праздновал, себя показал. С этого момента ты взводный. В помощь тебе дам урядника из «старых».

Из «старых» это хорошо. Значит, человек прошел Гражданскую войну. Взвод не для него, но порядок в подразделении будет.

Тихонов меня отпустил, и я пошел в баню. Надо отмыть пот, грязь и кровь. Выбрался на улицу, посмотрел на чистое звездное небо и вздохнул полной грудью.

– А хорошо мы сегодня красным врезали, – услышал я знакомый голос.

Обернулся. За спиной стоял урядник Федоров.

«Не так давно мы тоже были красными», – хотел сказать я ему, но промолчал.

14. Москва. 01.11.1941.

Краткая передышка. Рядом никого не было и командующий группы армий «Центр» генерал-полковник Мориц Альбрехт Франц-Фридрих Федор фон Бок, расположившись в старинном кресле, которое солдаты привезли из какого-то советского учреждения, смотрел на карту Москвы и размышлял.

Шел пятый месяц войны. Адольфа Гитлера, вождя нации и главного идеолога Германии, чье имя для фанатичных членов НСДАП стало святым, давно уже нет в живых. Его порванный в клочья труп с почестями захоронили в Берлине. Вместо него Мартин Борман, который больше озабочен внутривластной борьбой, чем положением дел на фронте. Профессиональные военные, наконец-то, получили свободу действий. Им не мешали, и они добились превосходных результатов, которые, тем не менее, многих не устраивали. Часть политиков резко критиковала командующих, среди которых был Федор фон Бок. Однако военные отмалчивались и продолжали делать свое дело. Пусть перед политиками оправдывается начальник Генштаба Франц Гальдер, а им некогда.

Плохие дороги выводили из строя автомобили. Пыль и грязь быстро изнашивали моторы. Не хватало горючего и запчастей. Промышленность не справлялась с заказами военных. Снабжение отставало от нужд армии. Колея советских железных дорог была шире европейских стандартов. Проклятые советские партизаны и диверсионные группы парашютистов взрывали мосты, совершали нападения на автоколонны и пускали под откос железнодорожные эшелоны. Осколки разбитых и окруженных красных армий продолжали сражаться. Фанатизм некоторых русских солдат, в частности молодых комсомольцев, зашкаливал и поражал воображение европейцев. Потери среди немецких солдат, особенно безвозвратные, оказались гораздо больше запланированных. А скоро наступят холода, придет русская зима, которую немецкая армия встретит с нехваткой теплого обмундирования, лекарств и горюче-смазочных материалов.

В общем, проблем, которые препятствовали победе германского оружия, хватало. Однако, несмотря на многочисленные трудности, наступление всех трех групп армий продолжалось.

Летом на совещании в Борисове направлением главного удара была выбрана старая русская столица Москва. Следовательно, именно группа армий «Центр» должна получать большую часть резервов и сил. Это логично и для начала группа армий «Север», которая наступала на Ленинград, передала под командование фон Бока 39-й танковый корпус генерала Рудольфа Шмидта и 16-ю армию. После чего группа армий «Центр» перешла в решительное наступление.

Стремительным ударом усиленный дополнительными моторизованными соединениями 39-й танковый корпус прорвал оборону советских войск и вышел на трассу Москва-Ленинград, передал захваченные позиции пехотным дивизиям и повернул на юго-восток. Одновременно с этим 3-я танковая группа (армия) Гота ударила на Ржев, захватила его и, разделившись, взяла в кольцо несколько советских армий, а 2-я танковая группа (армия) Гудериана двинулась на Брянск и Калугу. Бронированные кулаки Вермахта не подвели фон Бока. Поддержанные авиацией «ролики» Гота и Гудериана катились на восток, а 4-я, 9-я и 16-я армия двигались за ними следом, давили сопротивление попавших в окружение советских войск, брали под контроль территорию и занимали новые города.

Красная армия терпела одно поражение за другим. Несмотря на беспримерный героизм красноармейцев, вооруженные силы СССР отступали и в окружение попадали даже не корпуса,

а целые армии. Они оказались не готовы к большой войне и на это имелись объективные причины. Во время кадровых чисток офицерского состава РККА потеряла немало достойных офицеров с боевым опытом. Часть из них, действительно, могла устроить против «вождя народов» заговор и их следовало устранить. Но таких было немного, и часто страдали невинные люди. Но даже не это главное. Дело в другом. А именно в психологическом моменте. Запуганный сотрудниками НКВД командный состав Красной армии начал бояться проявлять инициативу. Она стала предвестником беды, и это сказывалось на всем. Лишенный возможности проявлять себя командир превратился в винтик огромной военной машины и опасался высказывать собственное мнение. Для многих советских генералов оказалось проще бросить в пекло механизированный корпус и погубить его, чем вступить в спор с сотрудником НКВД, политруком или представителем Ставки. Отсюда неповоротливость. Отсюда огромнейшие потери. Отсюда перебежчики. Отсюда поражения сорок первого года. Отсюда потеря веры в своего лидера.

Конечно же, Сталин все понимал. Вождь страны Советов не был глупым человеком, раз смог столько лет удерживаться на вершине властной пирамиды, создать огромную армию и провести модернизацию промышленности. Но отыграть ситуацию он не мог. По крайней мере, не сразу, не в один момент. На пересмотр собственной политики ему требовалось время, а как раз его-то немцы товарищу Сталину и не давали. Они наносили один удар за другим, и Ставка Верховного Главнокомандующего, пытаясь задержать наступление противника, кидала навстречу захватчикам слабо обученные армии, корпуса, дивизии и бригады.

В начале сентября образовалось несколько «котлов». Самые крупные в зоне ответственности группы армий «Центр» Ржевский и Ельнинско-Вяземский. Пехотные части немцев сжимали вокруг обреченных советских армий кольца, а танковые и моторизованные дивизии группы армий «Центр» готовились к новому рывку. Они ждали команду «фас» и десятого сентября фон Бок ее дал.

Вновь стремительный рывок танков и мотопехоты под прикрытием лучших асов Геринга. Были заняты Калинин, Можайск и Калуга. Немцы приближались к Москве с трех направлений, и Сталин бросил в бой армии Резервного фронта, которые усилили Брянский фронт под командованием Тимошенко.

В период с 20-го по 22-е сентября произошла грандиозная битва. Однако Гудериан оказался сильнее Тимошенко. Вновь Красная армия потерпела поражение, и в Кремле прошло экстренное совещание Ставки, на котором было принято решение об эвакуации правительства в Куйбышев. Планировалось сделать это организованно, не поднимая панику среди населения и войск Московского гарнизона. Однако эвакуация очень быстро превратилась в драп. Жители четырехмиллионной Москвы узнали о бегстве правительства и в охваченной хаосом столице начались бунты, для подавления которых пришлось ввести в город дополнительные войска. Кстати, те самые войска, которые были нужны на передовой.

Правительство эвакуировалось. В Москве был введен комендантский час, и центр города снова оказался под контролем советских управленцев и коменданта. После чего многие жители были отправлены на рытье рвов и окопов. Особо ценных специалистов поставили в очередь на эвакуацию. Началось формирование отрядов истребителей танков и ополчения. Ну и, само собой, производился демонтаж заводского оборудования, которое отправлялось на Урал. Советский Союз не собирался так быстро сдаваться. Еще имелись людские ресурсы, за Москвой простирались огромные территории, и Сталину была обещана помощь союзников по Антигерманской коалиции. Пусть проиграны первые сражения, но не проиграна война. Только бы остановить немцев, только бы задержать, только бы выиграть время, которое можно использовать для формирования новых армий и переброски заводов на восток. А потом все изменится, германцы выдохнутся, и Красная армия перейдет в контрнаступление. Так считал Сталин, и члены советского правительства его, разумеется, поддерживали.

Немцы, в самом деле, выдыхались. Однако перед ними была Москва, и они верили, что захватив ее, Вермахт сломит сопротивление упрямых русских. Нужен еще один удар, один рывок и конец войне. Поэтому они рвались к вожделенной цели и 30-го сентября, захватив Волоколамск, передовые части 8-й танковой дивизии ворвались на окраину Москвы. Но германским солдатам не хватило сил. Они были задержаны сводными отрядами ополченцев, а затем отброшены регулярными частями Красной армии.

С этого дня начался отсчет битвы за столицу СССР. По сведениям разведки советская армия имела в Москве пару сводных дивизий, которые состояли из бойцов НКВД, милиционеров и ополченцев. Только протяни руку и город, подобно спелому яблоку, сам упадет тебе в ладонь. И Федор фон Бок оказался перед выбором. Можно потерять еще несколько дней, возможно, пару недель, и нанести фланговые удары моторизованными соединениями, которые замкнут вокруг Москвы кольцо окружения. А можно кинуть в лобовую атаку несколько дивизий и взять город за три дня. Что выбрать? Решение было за фон Боком, и он совершил ошибку. Вся Германия смотрела на него. Радиостанции передавали сообщения о захвате очередной вражеской столицы. Политики и общественные организации присылали ему поздравительные телеграммы. От него требовали, как можно скорее занять Москву, и он поддался. Даже такой волевой человек, профессиональный военный, не мог не учитывать мнение лидеров государства и общественности. Поэтому основной удар был нанесен в лоб, со стороны Волоколамска, а на других участках фронта германские войска продолжали теснить полевые части Красной армии.

В авангарде наспех собранной ударной группировки была 8-я танковая дивизия в составе 10-го танкового полка, 67-го танкового батальона, 8-й стрелковой бригады, 80-го артиллерийского полка и 59-го разведывательного батальона. Дивизия боевая, с опытом боев в Польше, Франции и Югославии. За ней шли 19-я танковая, 161-я пехотная и 14-я моторизованная дивизии. А в третьем эшелоне еще две пехотные дивизии и 900-я моторизованная бригада. Больше у фон Бока в резерве ничего не оказалось, но он посчитал, что этих сил будет достаточно.

Немцы ударили и практически сразу закрепились на окраинах Москвы. Авиация и артиллерия обрушили на советские войска, которые закрепились в жилых кварталах, бомбы и снаряды. А хорошо обученная немецкая пехота, которая шла под прикрытием танков и бронетранспортеров, рвалась к центру города. Однако прошел день. За ним другой. А дальше пригородов продвинуться не удалось. Русские сопротивлялись отчаянно и тоже бросали в мясорубку новые резервы. А когда они не могли удержаться и были вынуждены отступать, коммунисты спускались в метро и взрывали за собой все, что только можно, и ничего не жалели.

Битва за Москву шла без остановок и перерывов, днем и ночью. Никого из генералов, что германских, что советских, не волновали оказавшиеся под огнем гражданские люди и памятники архитектуры. Кругом взрывы и пожары, множество убитых и еще больше раненых. Ожесточение обеих сторон нарастало, и вскоре они перестали брать пленных. В небе ежедневно происходили воздушные сражения и вниз летели сбитые самолеты. Потери никто не считал и дивизии, которые входили в город с разных концов, растворялись в нем и исчезали.

Остатки 8-й танковой дивизии пришлось вывести из объятых огнем города на шестой день боев. Не считая артиллеристов и служб снабжения, которые находились в тылу, в ней осталось триста сорок пять солдат и семь офицеров. Остальные, включая командира дивизии, погибли или находились в госпиталях. Вслед за ней из Москвы вывели 19-ю танковую и 14-ю моторизованную дивизии. Однако на смену им пришли другие соединения Вермахта, которые ворвались в город по Рублевскому и Можайскому шоссе.

Наступление продолжалось. Немецкие войска, которые были более маневренны, чем Красная армия, завязли в городских боях. Отступить уже нельзя – этого никто не поймет, ни солдаты, ни Берлин. Фон Бок это понимал и постоянно жалел, что не решился на фланговый охват Москвы. Но этого уже не исправить. Красная армия укрепила свои позиции на севере и

юге от столицы. Их прорыв может обойтись еще дороже, чем штурм Москвы и фон Бок продолжал давить.

Немцы превосходили советские войска по авиации, артиллерии и танкам. Это сказывалось и, наконец, произошло то, чего так давно ждали в Берлине. Немецкие солдаты ворвались на Красную площадь и водрузили флаги Третьего Рейха на развалинах Кремля. Однако фон Бока это не радовало. Потери его войск только в битве за Москву перевалили за пятьдесят тысяч убитыми и в полтора раза больше ранеными. В тыл выведены семь обескровленных дивизий, еще девять находятся в самом городе, а русские продолжают контролировать треть Москвы. Битва не окончена, она в самом разгаре, а резервы практически исчерпаны. Вскоре эйфория от захвата Кремля спадет и командующему группы армий «Центр» придется оправдываться перед Генштабом и правительством за похорожки.

Вот о чем думал Федор фон Бок, оставшись в одиночестве, и он решил, что необходимо в очередной раз попросить у Генерального штаба подкреплений. Пусть даже за счет своих соседей. Группа армий «Юг» под командованием Герда фон Рундштедта, скорее всего, ничего не даст, так как удачно завершила ликвидацию нескольких котлов и очень хорошо продвигается по Украине. А вот группа армий «Север» под командованием Вильгельма Риттера фон Лееба, которая так и не проломила оборону Красной армии под Ленинградом и с огромным трудом медленно движется вперед, могла бы временно остановиться и выделить ему еще пару дивизий. Да и вообще, где поддержка русских, которые готовы сражаться против большевиков? Где этот самый генерал Трухин, который хотел биться против кровавого тирана Сталина? Где белоэмигранты, украинские, белорусские и прибалтийские националисты? Пора бы уже им сделать свой вклад в общее дело борьбы с большевиками. И этот вопрос следовало в очередной раз поднять. Слишком много пролито немецкой крови, а до победы еще далеко.

15. Могилев. 29.11.1941.

Поиском и поимкой оставшихся советских десантников из отряда «Белорусский патриот» занималась полиция, местные жители и добровольцы из русских военнопленных. А 102-й Донской казачий полк прибыл в Могилев, служба покатила своим чередом, и за минувший месяц произошло несколько событий, о которых стоило бы рассказать.

30 октября состоялись похороны казаков, которые погибли в бою с советскими десанниками. Наши первые потери, друзья и товарищи. Ровно в десять часов утра полк был построен на плацу, и помимо казаков собралось много местных жителей, которые встали за спинами воинов. На плац вынесли украшенные цветами и венками закрытые гробы, а затем к ним вышел старейший казак полка, пятидесятилетний Кузьма Никифорович Белогрудов. Он человек уважаемый, рожак станицы Каргальская, потерял в подвалах НКВД двух братьев и четырех сыновей, двенадцать лет провел в лагерях и не сломался. Железный казачина. И он, молча, положил на каждый гроб казачью папаху, поклонился павшим и встал под знамя.

На плацу воцарилась тишина и только еле слышно всхлипывали бабы. Казаки ждали слов командира. Он должен был произнести речь, и Кононов высказался:

«Родные казаки! Друзья-соотечественники! Перед нами лежат в гробах 29 героев, наших родных братьев. Они отдали свои молодые жизни в борьбе за светлое будущее нашей Родины. Мы должны, мы обязаны продолжать борьбу, несмотря ни на какие жертвы, до окончательной победы над красным спрутом. Наша борьба не из легких и немало будет пролито нашей крови, немало мы еще потеряем на бранном поле наших боевых друзей, пока знамя действительной свободы взвоется над просторами нашей Отчизны. Мы глубоко и твердо уверены, что рано или поздно это будет так!

Многие государства и народы, не зная коммунизма, протянули сейчас ему, в лице Сталина, руку помощи, но настанет час и им придется узнать, что предстанет из себя этот изверг человечества. Не дай Бог, чтобы это было слишком поздно! Коммунистические заправилы и их подпевалы орут на весь мир, что мы – казаки, изменники Родины, наемники Германии. Вот здесь стоят рядом с вами вчерашние красноармейцы и командиры Красной армии, еще вчера их заставляли защищать кровавый сталинский строй, а сегодня, как только представилась возможность, они с нами. Пусть у них спросят симпатии коммунистической системы, что такое коммунизм? Казаки никогда не продавались, не продаются, и не будут продаваться, чтобы служить против интересов своей Родины, а тот, кто попытается купить казаков с этой целью – несчастен будет. Мы друзья всем тем, кто только поможет нашим народам освободиться от коммунизма. Правда, у некоторых «гастрономов» появился большой аппетит покорить эти народы, превратить дорогую нам Родину в свою колонию. Таким «гастрономам» мы скажем: господа, смотрите как бы не подавиться. Помните, что Россия – не Польша и не Чехословакия. Мы организуемся для кровавой борьбы не для того, чтобы из одного ярма влезть в другое.

Мои друзья! Наш путь один – жизнь или смерть.

Так лучше погибнуть в открытом бою против палача Сталина, чем в подвалах или лагерях НКВД. Наша победа безусловно будет зависеть от поведения немцев в отношении нашего измученного народа, а пока есть время и помощь Германии как союзника все на борьбу с коммунистической диктатурой Сталина!

Вечная память нашим павшим, боевым друзьям! Их подвиг – это показатель решимости всего нашего народа и, прежде всего, казаков, авангарда наших народов в борьбе с коммунизмом, до полной победы над ним!

Слава светлomu будущему нашей необъятной Отчизны!»

Когда командир замолчал, бабы заплакали навзрыд, а казаки взяли гробы на плечи и понесли на кладбище. Заиграл оркестр, и сотни двинулись за похоронной процессией. На кладбище уже ждал священник, который отпел покойников, гробы опустили в могилы, и был дан прощальный салют. Каждый кинул в могилу по три горсти земли, павших казаков зарыли и мы вернулись в казармы...

Спустя два дня пластунские сотни, 4-я и 5-я, разделившись по взводам, были отправлены на охрану поселков и дорог севернее Могилева. В лесах еще бродили заблудившиеся красноармейцы и появились партизаны. Местные полицаи боялись заходить в дебри, и попросили о помощи. Кононов не отказал и три недели я провел в глуши. Взвод меня, как командира, принял, а старый урядник Михаил Петрович Савельев, которого прислал в помощь сотник Тихонов, оказался суровым и грамотным казаком, у которого я постоянно чему-то учился. Он и обычаи казачьи растолкует, и казаков, если кто зарвался, одернет, и с сельскими старостами легко договорится. Скажу как есть – у меня с местными отношения как-то не сложились. Есть приказ, и я его выполнял, жестко и четко. Положено выделить нам харчи и дома для постоя – дай! А староста начинает юлить, крутить и вертеть, да свою выгоду искать. Вот как такому человеку по морде не смазать. А ударил, испортил отношения. И когда я чувствовал, что начинаю закипать и скоро сорвусь, звал Петровича, и он все решал.

Три недели пролетели быстро. За это время мой взвод посетил пять деревень, поймал двадцать шесть окруженцев, которые шастали по лесам, и еще тридцать отпустил по просьбе местных жителей. А что вы хотите? Рабочих рук в селах мало, а вдовушек, готовых пригреть справногo мужика, много. Надо идти навстречу народу, и он отнесется к тебе с теплотой – очередная мудрость от урядника Савельева.

Так же мы собрали почти четыреста единиц стрелкового оружия, в том числе девять пулеметов, и много боеприпасов. Немцам сдали только двести стволов. Еще сотню оставили местным жителям, а остальные, включая пулеметы и боеприпасы, отправили в полк. Серьезных боевых стычек не было, хотя пострелять пришлось. Потерь нет. И можно сказать, что мы были на отдыхе.

Вернувшись в полк, я отправился к Вере. Соскучился по ней. Однако меня ожидал неприятный сюрприз. Вера уехала. Куда – неизвестно. Соседки сказали, что у нее появился новый ухажер, русский белоэмигрант из гражданских. Он несколько раз заходил к ней и оставался на ночь, а потом приехал на машине и Вера, собрав пожитки, умчалась с ним. Ну и как на это реагировать? Опыта в подобных делах у меня немного и, пожав плечами, я постарался забыть о ее существовании. Мы встретились случайно, и вместе нам было хорошо, но ничего серьезного не планировалось. Хотя, конечно, она могла бы хоть записку оставить.

Да что я о своем? Моя личная жизнь никого по большому счету не интересует, и я возвращаюсь к событиям полка.

Пока пластуны бродили по лесам, произошли некоторые изменения. Кононов в очередной раз проехался по лагерям военнопленных и привез еще восьмьсот человек. После чего приступил к реорганизации и к полку, численность которого перевалила за две с половиной тысячи бойцов, добавился моторизованный батальон. Техника в нем советская, грузовики-полупотрки, броневики и даже несколько танков БТ-7. День ото дня мы становились сильнее и это хорошо, ибо нас собирались отправить поближе к фронту.

Немцы все-таки захватили Москву. Но заплатили за это огромную цену. Я сам свидетель того, как на запад один за другим шли санитарные эшелоны с ранеными. Их было много и, если верить слухам и Совинформбюро, в московской мясорубке германцы потеряли десять

дивизий, много танков и самолетов. Но самое главное – больше ста тысяч солдат только убитыми. А Советский Союз, несмотря на ряд поражений и потерю столицы, продолжал сопротивляться. Для немецких военачальников это стало неприятным сюрпризом, и они в очередной раз вспомнили про инонациональные формирования. Наш полк, благодаря прикрытию со стороны генерала Шенкендорфа, пока не трогали. А все остальные части и соединения, отдельные батальоны и роты, стали переподчиняться РОА и тут я вспомнил слова Ивана Сергеевича, что мы все равно встретимся и окажемся в одной структуре. Видимо, он прав. Еще какое-то время 102-й Донской казачий полк будем сам по себе, а потом придется вставать под знамена генерала Трухина.

В конце ноября в распоряжение полка прибыли белоэмигранты, полтора десятка опытных офицеров. Возглавлял группу майор Александр Николаевич Пуговкин, в прошлом полковник царской армии, и Кононов сразу сделал его своим заместителем. Белоэмигранты из Югославии и добирались долго, потому что сначала посетили Берлин и штаб Казачьих Формирований РОА. Но все-таки они добрались и привезли с собой подарки. Кононову кубанскую шашку с гравировкой: «Герою-казаку майору Кононову И. Н. от казаков-эмигрантов в Югославии»; и личное письмо от кубанского атамана Вячеслава Григорьевича Науменко. А личному составу полка образ Божьей Матери, наказ о боевой дружбе русских белоэмигрантов и вчерашних красноармейцев, а так же газеты и письмо от атамана Краснова, которое было зачитано перед казаками на утреннем построении:

«Сыны Тихого Дона, Вольной Кубани, Бурного Терека и других наших земель вновь поднялись, чтобы отстоять исконную казачью свободу. Примите мой казачий сердечный привет. Мы все радуемся вашим ратным успехам в боевых делах с красным чертополохом. Вы, Иван Никитич, как мне известно, со своим полком стоите на истинной дороге. Искренне желаю успеха в таком чистом и светлом деле. Помните, мы, старые казаки, всегда с вами и готовы оказать по нашим возможностям и силам, помощь и поддержку. Знаю, что Вам сейчас особенно трудно двигать поднятое Вами дело. Но, как известно, без большого труда большие дела не делаются»...

Как мне думается, после внимания, которое к нему проявили старые царские вояки, Кононов многое переосмыслил. И если раньше он всячески оттягивал объединение с РОА, от которого не видел пользы, теперь командир полка сам этого хотел. И вскоре, после консультаций с генералом Шенкендорфом, 102-й Донской казачий полк стал готовиться к вхождению в состав Русской Освободительной Армии. В это же время появились офицеры связи из штаба Трухина, среди которых я увидел знакомую личность, Ивана Сергеевича, преподавателя школы урядников, который был в чине полковника и представлялся как Семенов. Скорее всего, фамилия не настоящая. Но мне какое дело? Позовет, пообщаемся, а нет, так и не надо.

Иван Семенович про меня все-таки не забыл, и мы встретились в штабе полка. Он офицер, а я урядник. Поговорили о командире полка, и я был честен. Кононов боевой офицер и патриот России, волевой и смелый, пробивной и хваткий. На этом беседа окончилась и Семенов меня больше не задерживал. Сказал напоследок, что мой родственник есаул Погиба передает привет, и мы расстались.

Полк готовился к маршу. Все чувствовали, что нас вот-вот сдернут с насиженного места. Возможно, отправят под Киев, где было решено создать большой учебно-тренировочный лагерь для русских добровольцев. Или сразу на фронт. Слухов было много. Однако все мы ошибались.

Тревога прозвучала неожиданно, посреди ночи, и было объявлено, что полк выдвигается в сторону Гомеля. Там появился советский кавалерийский корпус Белова, который прорвался через линию фронта и вышел на тыловые коммуникации немцев. Остановить его предстояло нам, и полк Кононова в очередной раз покинул пункт постоянной дислокации.

16.

Добрушский район. 07.12.1941.

– Погиба, ты слышишь меня?!

Голос сотника Тихонова в динамике радиостанции звучал глухо, но вполне разборчиво, и я ответил:

– Слышу, господин сотник.

– Как у тебя дела?

– Все спокойно. Хутор занял. Противника не видно и не слышно.

– Плохо.

– Что плохо? Не понял. Повторите.

– Плохо, что красных не видно. Они рядом, так очередной перебежчик сообщил, только что прибил. И они приближаются к тебе. Как понял, Погиба?

– Вас понял, господин сотник. Каковы силы противника и когда его ждать?

– Все, кто не сдался. Идут с танками.

– Жду ваших приказаний.

– Держи хутор и дорогу. Не отступай. Вцепись в хутор и дорогу. Дерись, сколько сможешь. Если выпустим красных из колечка, еще месяц за ними будем гоняться. Бейся, Андрюха. Через час мы будем у тебя.

– Слушаюсь, господин сотник. Держать хутор и дорогу.

– Бог в помощь, Андрей! Мы уже выдвинулись! Идем к тебе!

– Приказ ясен. Конец связи!

Передав микрофон побледневшему радисту, который слышал мой разговор с сотником, я сказал ему:

– Радиостанцию спрячь в подвал. Если есть какая-то книжка с позывными и нашими частотами, сожги. Потом бери автомат и занимай оборону.

– Где занимать... – прошептал он.

– В подвале, мать твою.

– Как скажете, господин урядник.

– Не раскисай, связь, у тебя шансов уцелеть больше всего, – я хлопнул его по плечу, подхватил верный ППД и выскочил во двор.

Меня сразу обдало холодом. Начало зимы – уже чувствуется легкий мороз и с темных небес срываются первые хлопья снега. Но пока терпимо, тем более в моем взводе все имеют полушубки и теплую обувь.

Во дворе стояли казаки моего взвода, несколько полицаев и мужики-возницы. На построения и прочую строевую муру нет времени. Поэтому я сразу объяснил ситуацию:

– Противник идет на прорыв. Через нас идет, если кто не понял. Необходимо выиграть время – один час. Все ясно, казаки?

Отозвалось несколько человек:

– Да.

– Пусть идут, встретим.

– Кровью умоются, раз не захотели сдаваться.

– Выстоим. Час простоять не сложно.

Краткая пауза и вопрос урядника Савельева:

– Что сотник приказал?

– Держаться. Наши братья уже в пути.

Старый урядник кивнул, а я начал отдавать приказы:

– Кирюхин, бери свое отделение и на дорогу. Садись в лесу. С собой бери один ручной пулемет. Как только мы начнем, ты нас поддержишь. Если сильно прижмут – отходи в лес.

Младший урядник Кирюхин кряжистый степенный дядька родом откуда-то из-под Воронежа, кивнул и повел своих казаков в лес, а я посмотрел на командира 2-го отделения приказного Кувикова:

– Игнат, ты с остальными пулеметами на окраине хутора. Стволы на север. Огонь открывать только после нас.

– Мне бы гранат побольше, – сказал Кувиков, донской казак из Сальских степей. – А то ведь подойдут красные вплотную, и отбиться будет нечем.

– Нет лишних гранат, Игнат. Ты сам все знаешь. Нет.

Кувиков поморщился, собрал отделение и вместе с пулеметчиками пошел занимать позицию. Осталось 3-е отделение, полицаи и мы с Савельевым. Нам самое сложное – расположиться в неглубоком извилистом овраге между хутором и дорогой, встретить противника и, по возможности, выбить танки. Казаки бойцы опытные – не побегут, а вот полицаи сдернут сразу, как только начнет припекать. Ну и ладно. Если отвлекут на себя противника, уже хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.